Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древнего мира и средних веков

И. О. Евтухов

Белорусская медиевистика: XVI–XIX вв.

Минск
2024

УДК 94(4-15)“04/16”:930(476)“15/18”

Е 273

Решение о депонировании вынес:
Совет исторического факультета
Протокол № 2 от 29 октября 2024 г.

А в т о р:

Евтухов Игорь Орестович, доктор исторических наук, профессор
кафедры истории древнего мира и средних веков.

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории
древнего мира и средних веков БГУ *А. А. Прохоров*;
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры
экономической истории БГЭУ *Д. Н. Черкасов*.

Евтухов, И. О. Белорусская медиевистика: XVI–XIX вв. /
И. О. Евтухов ; БГУ, Исторический фак., Каф. истории древнего мира и
средних веков. – Минск : БГУ, 2024. – 72 с. – Библиогр.: с. 69–72.

Монография посвящена времени зарождения на белорусских землях интереса к западноевропейской средневековой истории и последовавшему за этим периоду создания, становления и развития белорусской научной медиевистики, отрасли исторической науки, изучающей историю Западной Европы в Средние века. Исследование выполнено в рамках НИР «Белорусская медиевистика: становление, развитие, перспективы».

Оглавление

Введение	4
Пробуждение интереса к западноевропейскому средневековью в XVI в.: переводы на старобелорусский язык	9
Белорусская медиевистика: выписки по истории средних веков XVI–XVIII вв.	28
История средних веков в учебных заведениях XVII–XIX вв. на белорусских землях	44
Белорусская медиевистика XIX в.: Александр Зданович и Викентий Игнатович	58
Заключение.....	67
Библиографические ссылки	69

Введение

Термин «медиевистика» обозначает раздел исторической науки, изучающий средневековый период в истории Европы. В настоящее время под средневековьем понимается хронологический отрезок, ограниченный двумя крайними позициями; см., например, в Хронологическом справочнике Ларусс: падение западной Римской империи (476 г. н. э.) и открытие Америки Христофором Колумбом (1492 г.) [1, с. 108–212]. Известный бельгийский историк Леон Леклер (1866–1944) предлагал еще несколько вариантов: 1. от 395 (раздел Римской империи на Западную и Восточную) до 1492 гг., 2. от 476 до 1453 (падение Константинополя) гг., 3. от 395 до 1517 (тезисы Мартина Лютера) гг. В результате, в статье «Хронологические границы средневековья» (1922 г.) [2] он остановился на варианте 395–1492 гг. [2, р. 72] или менее конкретно: рубеж IV/V – конец XV вв. [2, р. 75], отметив, что «на стыке великих периодов прошлого находятся смешанные века = *au point de jonction des grandes périodes du passé, il y a des siècles mixtes*» [2, р. 71]. Вызывает вопросы и верхняя хронологическая граница, особенно при переносе общей рамки на отдельные страны. Английские авторы доводят средневековье своей страны до битвы при Босворте (1485 г.) и завершения войны Роз, венгерские авторы – до битвы при Мохаче (1526 г.) и установления турецкого господства.

В любом случае, средние века оказываются периодом, находящимся между античностью и Новым временем. Это значит, что выделить его может только автор, живший после средних веков. Тем не менее, первая история средневековой Европы была создана именно в рамках средних веков.

Написал ее крупнейший римский историк-гуманист Флавио Биондо: «*Historiarum decades III ab inclinatione imperii Romani. 410–1440*». В связи с этим видный советский медиевист и историограф Осип Львович Вайнштейн (1894–1980) отмечал: «Средним векам гуманисты противопоставляли, с одной стороны, древность (*antiquitas*), с другой – время, в которое они жили сами и которое они определяли, как возрождение угасшей античной культуры или как *tempora recentiora* – новое время» [3, с. 249].

Современный итальянский медиевист Джузеппе Серджи в эссе «Идея средневековья. Между историей и здравым смыслом»,

послужившим введением к учебнику по истории средних веков (1998 г., отдельное издание эссе вышло в 2005 г.), стремился показать разницу между «идеей средневековья» и реалиями того тысячелетия, которое средние века охватывают. По его мнению, произошел перенос гуманистами отрицательного восприятия кризисных XII–XIII вв. на предшествующие столетия, что привело к отрицательному восприятию средневековья в целом. Говоря о хронологических рамках периода Джузеппе Серджи подчеркивает, что Флавио Биондо «никогда не называл этот длинный промежуток времени “средним веком”, но можно заметить, что рассматриваемый период совпадал со средневековым тысячелетием в позднем более распространенном понимании = non definí mai “medio evo” questo lungo lasso di tempo, ma si può constatare che il periodo preso in considerazione coincideva con il millennio medievale nella successiva più comune accezione» [4, p. 28].

Итальянские авторы рассматривали средневековье, как исторический период, который непосредственно предшествовал их современности. В таком же положении находились все прочие западноевропейские авторы.

В ином положении были авторы, жившие в Великом Княжестве Литовском, восточноевропейском государстве, существовавшем с середины XIII века до 1795 г. и включавшим в себя белорусские земли. В 1795 году, после трех разделов Речи Посполитой все белорусские земли были включены в состав Российской империи. В начале XIX века они входили в губернии Виленскую (уезды Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский), Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую.

Указанные авторы не воспринимали и не могли воспринимать свою страну в качестве прямой наследницы и преемницы средневековой Европы, не были связаны со средневековьем генетически и имели возможность посмотреть на период извне. В результате у авторов Великого Княжества Литовского отсутствовало изначальное отрицательное отношение к средним векам, отмеченное Луиджи Серджи. Они только начинали открывать их для себя.

Становление белорусской исторической науки в целом в период Великого Княжества Литовского было детально рассмотрено профессором Гродненского университета Дмитрием Владимировичем Каревым (1949–2021) в монографии «Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и

развития национального исторического сознания белорусов и украинцев» (2007) [5]. В ней автор выделил три основных этапа в становлении исторического сознания белорусов и украинцев в рамках периода существования Великого Княжества Литовского:

XIII – XV вв. («летописный период»). Время господства регионального, «земельного» историзма, В исторических нарративах господствующее положение занимает провиденциалистская христианская философия истории, творцами и пропагандистами которой являлись клерикальные круги, связанные, по преимуществу, с православной церковью.

XVI в («эпоха перехода»). Время формирования идеи гражданского патриотизма, начало формирования светской феодальной (шляхетской) и городской исторических версий «видения» своего исторического прошлого, время активного проникновения в сферу исторических нарративов интеллектуального инструментария деятелей европейского Возрождения и Реформации.

XVII – XVIII вв. Формирование польской культурной доминанты. Историческая наука «к концу XVIII столетия говорила, писала и думала на польском языке» [5, с. 70–71]. Об этом свидетельствуют инвентари библиотек базилианских монастырей и учебных заведений в городах и местечках Великого Княжества Литовского, где среди книг XVII–XVIII вв. преобладала продукция типографий Польши и Италии.

Предложенная концепция создает общую рамку, показывающую восприятие истории жителями Великого Княжества Литовского. Но не детализирует эту картину, что, впрочем, и не является ее задачей.

Период Великого Княжества Литовского для белорусской медиевистики может быть обозначен как время проявления и закрепления интереса к средним векам.

Хронологические рамки периода охватывают XVI–XVIII вв. Нижняя линия проведена по переходному периоду, выделенному профессором Д. В. Каревым, верхняя – по манифесту Екатерины II «О присоединении к Российской Империи всей части Великого Княжества Литовского, которая по прекращении мятежей в Литве и Польше занята была войсками» (1795 г.), который подвел черту под существованием Великого Княжества Литовского и вместе с этим завершил первый период в истории белорусской медиевистики.

Следующий период выпадает на начало – первую треть XIX в., которые имели большое значение для европейской медиевистики: в это

время она зародилась как раздел исторической науки.

В 1829 г. Франсуа Гизо (1787–1874) издал общую историю средневековой Европы под названием «История цивилизации в Европе. От падения Римской империи до Французской революции», заложив тем самым основы научной французской медиевистики. Переводы книги Франсуа Гизо придали импульс для развития медиевистики в рамках Российской империи. Причем на польский язык, распространенный в белорусских губерниях перевод был сделан раньше, чем на русский: 1842 г. [6] и 1860 г. [7] соответственно.

Российская научная медиевистика формировалась в Императорском Московском университете в рамках школы Т. Н. Грановского: П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский; в Императорском Санкт-Петербургском университете в рамках школы М. М. Стасюлевича: В. Г. Васильевский, И. М. Гревс, Л. П. Карсавин; в Императорском Варшавском университете (преподавание велось на русском языке) медиевистика была представлена Н. И. Кареевым, Н. Н. Любовичем, Л. Н. Беркутом.

Польская медиевистика в рамках Королевского Варшавского университета не получила заметного развития в силу двух причин. Во-первых, университет был закрыт в 1831 году, т. е. до начала формирования научной медиевистики. Во-вторых, исторические проблемы рассматривались в рамках факультета права и административных наук, т. е. с сильным историко-правовым уклоном.

Медиевистика на польском языке развивалась в Императорском Виленском университете, занявшем в 1803 г. место Главной школы Великого Княжества Литовского. Среди его профессоров были историки: Игнатий Онацевич, Юзеф Ярошевич, Иоахим Лелевель, среди студентов – будущие историки: Михал Балински, Игнатий Данилович, Юстин Карницки, Юзеф Крашевски, Миколай Малиновски, Теодор Нарбут (учился на математико-техническом факультете), Игнатий Петрашевски, Эразм Рыкачевски, Константин Тышкевич. Императорский Виленский университет имеет непосредственное отношение к началу формирования белорусской медиевистики. Ибо он обеспечивал кадрами учебные заведения в том числе и на территории белорусских губерний.

К белорусским медиевистам могут быть отнесены связанные с ним Александр Зданович (учился на словесном отделении) и Викентий Игнатович (закончил Педагогический институт при университете). Они оба родились на территории белорусских губерний, их деятельность

была связана с Белорусским учебным округом.

Наличие университета, сообщества профессиональных историков создало благоприятные условия для перехода белорусской медиевистики от уровня проявления и закрепления интереса (период Великого Княжества Литовского) к уровню научного изучения и создания университетской научной школы.

Таким образом цель данной работы проследить исторический путь белорусской медиевистики в XVI–XIX вв., выделить влиявшие на нее факторы и определить последствия их влияния.

Предмет исследования: медиевистика XVI–XIX вв.

Объект исследования: белорусская медиевистика XVI–XIX вв.

Метод исследования: формирование тематических кластеров (конспекты, преподавание, изучение), историко-биографический.

Исследовательская гипотеза: определение хронологических границ средневековья привело к выделению его в отдельный этап; выделение в отдельный этап привело к накоплению и сохранению исторической информации, в том числе и через систему образования; система образования осуществляла подготовку необходимых педагогических и научных кадров. В результате были созданы условия, необходимые для перехода от интереса к периоду средних веков к его изучению, т. е. к появлению и развитию медиевистики.

Для доказательства гипотезы необходимо решить следующие задачи: 1. выделить из многообразного (и полиформатного) исторического нарратива Великого Княжества Литовского материал, связанный с восприятием средних веков и проанализировать его; 2. определить рамки европейского средневековья в понимании образованной части жителей Великого Княжества Литовского, 3. проанализировать процесс рецепции западноевропейских парадигм восприятия средневековья, в том числе через систему образования; 4. проследить развитие медиевистики в XIX в. на белорусских землях Российской империи, доказать, что это была именно **белорусская** медиевистика, выделить ее особенности.

Пробуждение интереса к западноевропейскому средневековью в XVI в.: переводы на старобелорусский язык

Великое княжество Литовское не имело генетической связи с западноевропейским средневековьем. Более того, формирующаяся идеология сарматизма не стимулировала появление интереса к средневековому периоду истории Западной Европы.

Интерес тем не менее возник, что нашло отражение в распространении переводов западноевропейских средневековых сочинений на старобелорусский язык.

В частности, был переведен текст, известный как «Видение рыцаря Тнугдала». При этом следует учитывать, что современниками все, произошедшие с рыцарем, воспринималось как реальное историческое событие, взятое из хроники. Видения рыцаря Тнугдала (или Тундала), записал в 1149 г. ирландский монах, переехавший в баварский Регенсбург. Наиболее вероятной датой события признается временный промежуток между 25 марта 1148 г. и 25 марта 1149 г. В тексте подробно описываются места наказаний грешных душ, указываются их провинности, в зависимости от которых назначается наказание. Достаточно полное представление о локациях загробного мира дают названия глав: I. *Incipit visio cuiusdam militis Hyberniensis ad edificationem multorum conscripta*; II. *De exitu anime*; III. *De adventu angeli in occursum anime*; IV. *De prima pena homicidarum*; V. *De pena insidiatorum et perfidorum*; VI. *De valle et pena superborum*; VII. *De avaris et pena eorum*; VIII. *De pena furum et raptorum*; IX. *De pena gluttonum et fornicantium*; X. *De pena sub habitu et ordine religionis fornicantium vel quacunque condicione immoderate se coinquantium*; XI. *De pena illorum, qui cumulant peccatum super peccatum*; XII. *De descensu ad inferos*; XIII. *De inferno inferiori*; XIV. *De ipso principe tenebrarum*; XV. *De moderata pena non valde malorum*; XVI. *De campo letitie et fonte vite et requie non valde bonorum*; XVII. *De Donacho et Conchober regibus*; XVIII. *De Cormacho rege*; XIX. *De gloria conjugalium*; XX. *De gloria martyrum et continentium*; XXI. *De gloria monachorum et sanctimonialium*; XXII. *De defensoribus et constructoribus ecclesiarum*; XXIII. *De gloria virginum et novem ordinibus angelorum*; XXIV. *De sancto Ruadane confessors*; XXV. *De sancto Patricio et quattuor notis episcopis*; XXVI. *De reditu anime ad corpus*. Перечисление дается по полной версии видения [8]. Краткую версию содержит Хроника Хелинанда из Фруамона [9, col. 1038–55].

Видение Тнугдала в средние века было одним из наиболее популярных памятников жанра. Только на латинском языке сохранились 50 рукописей. Есть версии на народных языках – ирландском, немецком, датском, провансальском, французском, англо-нормандском, испанском, старобелорусском.

Традиционно считается, что старобелорусская версия, содержащая ряд богемизмов, является переводом с чешского текста, который до нашего времени не дошел. По этому поводу известный польско-русский филолог, крупнейший знаток средневековых славянских литератур Александр Брюкнер (1856–1939) писал, что «die böhmische Uebersetzung ist meines Wissens nicht aufgefunden, die russische muss sie uns vorläufig ersetzen = богемский перевод, насколько мне известно, не найден, русский должен временно заменить его нам» [10, S. 201]. Тот же автор определяет язык перевода, как язык Скорины [10, S. 208].

Тем не менее до тех пор, пока не будет найден чешский перевод Тнугдала, вопрос не может считаться закрытым. Ибо на старобелорусский язык текст мог быть также переведен с латинского оригинала человеком, который долгое время жил в Чехии и обогатил свою речь богемизмами.

Старобелорусский вариант «Видения о Тнугдале». Текст входил в состав пропавшего во время Второй мировой войны сборника из библиотеки графов Краетшских в Варшаве (№ 408), описанный Е. Ф. Карским (1860–1931) [11]. Рукопись начиналась с л. 53 и заканчивалась л. 230. Написана одним почерком: полууставом XVI в. На полях имелись записи на старобелорусском и польском языках (полуустав или скоропись). Распределение основных текстов было следующим: лл. 53–63 – «Александрия»; лл. 64–72 об. – «Летописец Великого князства Литовьского и Жомоицьского»; лл. 73–90 об. – «Кроиники о великих князех литовьских»; лл. 91 об.–128 – «Хождение Данила игумена в святыи град Иерусалим»; лл. 123–143 об. – «Починается книга Товид»; лл. 144–158 об. – «Починается книга о Таудале рыщери»; лл. 159–171 – «Починается реч о трех ставех» (рассуждение Августина о трех статусах: девства, замужества, вдовства); лл. 171 об.–176 об. «Сказание о сивилле пророчици». Далее следуют пророчества: о Христе, Моисея, о последних днях, о царстве архангела Михаила [11, с. 211–220].

Исходя из описания можно выделить четыре тематических блока: 1. хроники, 2. путешествия, 3. Августин Блаженный, 4. пророчества.

Особый интерес вызывает блок путешествий: Даниила в

Иерусалим, Товита за деньгами в Гаваилу, Таудала в загробный мир. Т. е. имеет место быть нарратив о путешествии, сделанный, исходя из датировки почерка, в XVI веке. Значит можно говорить о включении средневекового нарратива, переведенного на народный язык, в круг чтения жителей ВКЛ, т. е. о формировании базы для восприятия медиевистики или о рецепции (заимствовании чужих исторических, социологических или культурных форм) западноевропейского средневековья (медиевализма) в ВКЛ. Оба варианта являются равновероятными и включают старобелорусскую версию Тнугдала в исследовательское поле медиевистики.

Латинским источником чешского перевода Александр Бюкнер считает Вицентия из Бове [10, S. 201], который [12] записал следующее: «Anno domini 1149. qui fuit annus secundus expeditionis Hierosolymorum, Conradi Regis Romanorum, & annus quartus Eugenii Papæ, in quo anno ipse Papa de partibus Galliarum Romam reuersus est, in quo etiam anno sanctus Malachias in Clareualle defunctus est, visa est hæc visio. Duę sunt Metropoles in Hibernia, Ardiacha (Ardmacha) septentrionalium Hibernensium, Australium Caselenfis, de qua ortus fuit vir quidam, Tundalus nomine. = Год Господа 1149, который был вторым годом похода Конрада, короля римлян, в Иерусалим и четвертым годом папы Евгения, и в том же году папа вернулся в Рим из областей Галлии, в этом году святой Малахия скончался в Клервосском монастыре, видно было это видение. Две есть метрополии в Ирландии, Ардиаха, в Северной Ирландии, на южном море Каселенс, был город, из этого места был человек по имени Тундал».

Автор старобелорусского перевода изменяет дату события с 1149 г. на 1039 г., оставляя в неприкосновенности имена исторических лиц: «Лета от Рождества Сына Божьего тысяча тридцать девятое, шло второе лето правления великого римского цезаря, который отправился на войну за Иерусалим. И четвертое лето, когда **Евгений** был избран папой, в то лето также папа Евгений вернулся в Рим из Италии, которая называется Галлия, и в то же лето святой **Малахия** покинул этот мир в монастыре, который называется Глозонал. Из этого места был человек, которого звали Таудал».

Текст, как видно из описания кодекса, занимал всего 14 листов (28 страниц). Фрагменты старобелорусского Видения Тнугдала известны только по публикации Александра Брюкнера. Им были взяты самое начало, введение (л. 144), глава 3 (лл. 146 об. – 147 об.), заключительная

глава 11 (лл. 157 об. – 158 об.).

То, что 11-я глава оказалась заключительной, вызвало следующее замечание публикатора: «Unser Text ist somit unvollständig. es fehlt etwa ein Viertel des Ganzen: dieser Rest handelt vornehmlich über den Zustand der Seligen und seine verschiedenen Abstufungen = Наш текст является, таким образом, неполным. В нем отсутствует примерно четверть всего: это в основном касается состояния блаженных и его различных степеней». Отсутствовала также часть, повествующая о возвращении души в тело, *de reditu anime ad corpus*, «der Engel verkündet der Seele die nöthige Rückkehr in ihren Leib, was sofort geschieht; der Ritter ändert von nun an sein Leben = Ангел объявляет душе о необходимом возвращении в ее тело, что происходит немедленно; рыцарь отныне меняет свою жизнь» [10, S. 201].

В старобелорусском тексте есть нумерация глав, но нет заголовков. У Винцентия из Бове отдельная нумерация глав для видения отсутствует, главы, имеющие собственные заголовки, включены в сквозную нумерацию книги, соответственно Тнугдал охватывает главы 88–104 (в издании 1591 г.) [12, р. 390–391об]. Старобелорусский текст называется «Книга о Таудале рыцери», у Винцентия из Бове – *De raptu anima Tundali, et eius visione*. Эти формальные расхождения (заголовок текста, отдельная нумерация глав, отсутствие заголовков) позволяет поставить вопрос о формате старобелорусского варианта.

Заголовок, переносящий акцент с видения на рыцаря, и распределение текста по главам позволяет предположить, что речь идет не о выписке из Винцентия из Бове, а созданной на этом материале историческом нарративе.

Старобелорусская «Книга о Таудале рыцери» и соответствующие ей фрагменты из Винцентия из Бове были опубликованы Юлией Верхоланцевой как приложение к монографии «*Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*» [13, р. 174, 176, 178, 180–181].

Винцентий, гл. 88: «*de qua ortus fuit vir quidam, Tundalus nomine, nobilis genere, crudelis actione, forma corporis egregius, fortitudine robustus, de salute animæ suæ nihil sollicitus; grauiter ferebat si quis ei vel breuiter de salute animæ loqueretur. Ecclesiam negligebat, pauperes Christi nec videre volebat, scurris & ioculatoribus pro vana gloria distribuebat, quicquid habebat. Hic cum multos haberet amicos & sodales, inter eos habebat unum, qui co(m)militonis debito, trium equorum debitor erat. Hic cum statutum*

terminum præstolaret, transacto termino, illu(m) conuenit, qui cum bene receptus ab eo pere(n)dinaret tribus noctibus coepit tractare de cæteris rebus».

Старобелорусский текст: «С того места былъ есть единъ муж родомъ, ему ж имя было Таудаль, роду словутного, але дель велми недобрыхъ, по телу витяжный а велми смелый, а о спасении своа душа мало, або ничего, не смотряше. То ему прелишь бяше противно, а штобъ хто ему хотель мало о спасении души поведати. До церкви такеж не ходяше а нищихъ ненавидяше пред собою. Але играцемъ а гудцом выдалъ есть что мель. Але мель много товаришовъ а приятеле въдобытыхъ. И любимого имель есть товариша единого в ритеръстве, тотъ ему былъ должен три кони. Тогда Таудалусъ ждалъ ему до урочного року и напоминалъ ему, и по том роце приехалъ к нему, а онъ его любовьно привиталь. И былъ у него три дни а три ноци. Никам ему не даль ити, тутъ пиль с ним а мовиль с ним о различныхъ речахъ».

Как можно видеть старобелорусский текст хорошо соотносится с латинским, перевод на старобелорусский язык мог быть сделан и без языка-посредника (чешского).

Винцентий, гл. 90, *De valle horribili, & ponte angusto*: «Cumque longius simul pergerent, nullumque præter splendorem Angeli lumen haberent, venerunt ad vallem terribilem & tenebrosam valde, & opertam mortis caligine. Erat autem profunda, & carbonibus ardentibus plena, operculum ferreum habens spissitudinis 6. cubitorum, quod ardore nimio ipsos carbones superabat ardentibus. Cuius fætor omnes, quas hucusque passa fuerat anima tribulationes, superabat. Super illam laminam descendebat multitudo miserarum animaru(m), & illic cremabantur, donec ad modum cremii in sartagine liquescerent, & quod erat grauius per prædictam laminam colabantur, sicut colari solet cera per pa(n)num, & iterum in carbonibus ignis ardentibus renouabantur ad tormentum. Hæc erat pæna patricidarum, fratricidarum, homicidarum vel facto vel consensu. Sed post hanc pænam, inquit Angelus, ducentur ad maiores. Tu autem quamuis homicida sis, modo tamen istam non patieris. Post hæc venerunt ad montem miræ magnitudinis & horroris, magnæ & vastæ solitudinis qui transeuntibus angustum valde præbebat iter. Ex vna parte illius montis erat ignis putridus sulphureus & tenebrosus, ex altera parte nix glacialis & ventus horribilis. Erat mons ille tortoribus plenus, qui furcas habeba(n)t ferreas ignitas, & tridentes acutissimos, quibus iugulabant animas transire nolentes, & ad poenas trahebant, & per vices de niue & grandine mittebant eas in ignem, & econuerso. Hæc est, inquit Angelus, poena insidiatorum & persidorum. Post

hæc anima illa præ timore pedete(n)tim angelum sequens, venit ad vallem profundam, & putridam nimis & tenebrosam, cuius profunditate(m) ipsa quidem anima videre non poterat, sonitum tamen sulphurei fluminis, & vlulatum patientium in eo audiebat. Fumus vero de sulphure & cadaueribus inde surgebat foetidus, qui superabat omnes poenas quas prius viderat: ibi erat tabula lo(n)gissima de vno monte in aliu(m) montem porrecta, in modum pontis super vallem extensa, quæ mille passus habebat in longitudine, in latitudine pedem vnum. Quem pontem nemo nisi electus transire poterat. De hoc po(n)te vidit hæc illa anima multos cadere, & vnum solum presbyterum illæsum pertransire, qui erat peregrinus portans palmam, & indutus sclauinia, & primus ante omnes intrepidus pertransibat: Angelus autem timentem consolans animam dixit: Ne timeas, ab hac siquidem poena liberaberis, sed aliam patieris. Et præcedens tenuit eam, & vltra pontem duxit illæsam dicens: Hæc est, inquit, vallis horribilis in poena superborum».

Старобелорусский текст: «Глава г. Егда ж поидоша посполу, отидоста, не меюще жадное светлости нижли от аггела, и приидоша до долу прелишь грозного а велми темного. А тотъ бяше велми глубокии а полнь, горящего угля, а на том долу покрывало железное тольстотою на десять локоть, а то своею горкостью примогаше. Тут бяше от того покривала такий смрад, ишто бяше душа тръпела всехъ мукъ, премогаль тотъ смрад. А в тотъ доль трозный, что под покривалом, идяху много души грешных; а на том железном покривале горящем паряху ихъ, якобы оскварокъ въ панви. С того со всего еще бяше наигорше. иже скрозе то покрывало цедяху тии грешныа души, ияко воскъ скрозе платъ цедять, а [о]пять тамъ ся обновляху во огни к мукам. Тогда аггель к души рече: “Та мука есть вражебниковъ приготована отцовъ а брати, а иным тымъ, которыи даремно поволне враждуютъ делом”. И рече аггель: “По той тя муце поведу до большыъ. А ты, какъ же былъ еси вражделикъ, обаче того, не будешь тръпети”. Потом приидоша к горе велми великои а прелишь к грозной, а ту бяше пут велми узкий съ единое страны тое горы – ис тое горы плапоташе огонь [зъ] смолы а з серы, а велми смрадныи а прелишь темныи; а з другое страны – снегъ с ледомъ а ветръ велми силно великыи. На тои же то горе было есмь полно катовъ бесовъ съ пламенными греблы, съ удицами железными о тръь розехъ велми острыми, йими ж то души давяху, которыи хотели черес ту гору проити, и вѣтръгаху ихъ в тии муки, а по хвили увращаху ихъ въ огонь, и опять зася въ муки. И поведа аггель: “Тут есть мука льстивыхъ а гневливы неверныхъ”. Потом душа Таудалова про великыи страхъ а грозу упадаше

за аггелом. Идуци, приидоша до глубокого долу нечистого а велми темного, его ж великости не могла душа дозрети, а едно слышала звукъ реки, пловущую серою арыдание душъ в той реце, иже мучахуся в ней. Оттуду выхожаху дивове, ияко змръхи, и вельми смрадний смрад. Иже преогль был вси муки, что есть душа была перво видела ихъ, ту пакъ бяше една лавичька велми длъга с единое горы на другую – ияко мостокъ черес доль преглубокии, у даль на милю а единъ в ширину перъстень мосток ити, – не было льзе жадъному преити, нижли божему зволеньцу. С того ж то мостька Таудалова душа видела много душъ падающих; нижли единъ законник презвитеръ – тот его прошоль безъ шкоды, иже былъ пыстынник, несль есть палму, сиречь знамя, в руке а обльченъ былъ в ризы законскы. А тот есть мнихъ напервеи прешоль. Анггель, утешаа душу, поведиль есть: “Не боися, будешь збавена тое-то муки, але инии мусить терпети”. А и да напред и навъ его и превель черес тот мостокъ безъ уразу. И поведиль есть, глаголя: “Тот-то доль гордыхъ есть мужей, пышныхъ всехъ, немилостивыхъ”».

Сразу обращает на себя внимание номер главы: **3-й** («глаголь», в кириллице «буки» цифрового значения не имеет). Введение в старобелорусском тексте не пронумеровано. Значит, по порядку изложения – это четвертый фрагмент. В тексте Вицентия из Бове введение является главой 88. Значит глава 90 является третьим по порядку изложения фрагментом или **2-й главой** основного текста. Получается передвижка на одну позицию?

Для проверки следует обратиться к последнему опубликованному фрагменту, главе 11, **двенадцатому** фрагменту по порядку изложения (при учете пронумерованного введения). В соответствующем латинском тексте двенадцатой по порядку изложения (при учете пронумерованного введения) является глава 99.

Винцентий, гл. 99, *De statu Tormara regis*: «Cvm autem modicum procederent, viderunt domum mirabiliter ornatam, cuius paries & omnis structura ex auto & argento erant, & ex omnium lapidum preciosorum generibus, sed fenistræ ibi non erant nec ostium, & tamen omnes qui intrare volebant intrabant. Erat autem intus tam splendida, acsi non dico vnus Sol, sed quasi ibi multi splenderent Soles. Eratque nimis ampla & rotunda, & nullis columnis fulata, & totum etiam eius vestibulum auro & lapidibus preciosis erat stratum. Circum spiciens autem Tundalus, vidit vnum sedile aureum, cum gemmis & serico & omnibus ornamentis ornatum, & Regem Cormarcum in ipso throno sedere, vestitum mirabilibus vestimentis, &

preciosissimis supra omne precium terrenum. Etcum staret admirans, venerunt plurimi in domum illam cum muneribus ad Regem, & offerebant singuli cum gaudio munera sua. Et dum staret Tundalus diutius, ante Dominum suum Regem Cormarcum, erat enim Dominus suus in sæculo, veneruntque multi sacerdotes, & leuitæ solenniter induti, sicut ad Missam cantandam cum sericis casulis, & alijs ornamentis valde preciosis, & ornabatur vndique domus illa regia mirabili atque præciosissimo ornamento. Ponebant enim cyphos & calices aureos & argenteos & pixides eburneas super paxillos & tabulas, & sic domus illa ornabatur, vt si maior gloria in regno Dei non esset, ista posse sufficere videretur. Omnes ergo illi qui ministrabant ante Regem venientes, & genua flectentes dicebant: *Labores manuum tuarum quia manducabis*».

Старобелорусский текст: «Глава аі. Мало егда же бѣяста отошла, узрели дом дивно украшенъ от злата, от сребра а от драгаго камня; а не бѣше двери ани оконецъ в томъ дому. Обаче: вси, которыи хотели, шли от того дому. А в том дому такаа бѣше светлость, же не глаголю, иже бы едно солнце светило, но яко неколико солнцов было. Тот домъ былъ преширокии а округлы, а вся утворена от хрусталя и от злата а от драгаго камня; а повлаць та вся от злата и от драгаго камня бѣше. Такъ смотря, Таудалюс узре единъ златыи престоль, предрагими поставци повлеченъ а приправлена от всякого иайдражшаг камня. А на том престоле крал Кромерътга седел на драгой одежи, что есть на том-то свете наидражши. Егда ж стояше, дивяшес, поиде множество ихъ до того дому з дары своими пред краля, а каждый ему приношаше свои дары велми веселе и с радостію. Таудалюс егда ж такъ долго стояше пред своим кралем, яко ж есть был его крал на свете, съедет много поповъ а дияконовъ, облъчены въ ризы и въ всю священническую одежду, иако хотяще литургию служити, а ту тот дом оздобяху ий украшаху, а наставляху к тому златыхъ чашей а куфликовъ а калуховъ. И довнимал: иже бы иное вяще хвалы въ небесномъ цартвии не было, здало быс досыт тое радости, что есть ту было. А тут вси служаху пред кралем – приходяще, припадали, ему глаголюще: “Блаженъ еси, и добро тебе бутеть, ибо будешь добро уживати въ силе рукъ своих” etc.»

Таким образом, мы видим, что переведенный старобелорусский текст вобрал в себя двенадцать глав из Зеркала Винцентия из Бове: нумерованное введение и одиннадцать пронумерованных глав. Общее число глав совпадает. Вопрос с нумерацией главы 3-й перевода остается нерешенным.

Помимо текста введения, главы 3 и почти полного текста главы 11

Александр Брюкнер опубликовал еще небольшие фрагменты из глав 4, 5, 6 и соотнес их с латинским текстом:

«Глава д. Уста розинула вельми велика, иже ся такъ здаше, бы могла пожрети девят тысящъ одиньцовъ. Та потвора имяше у своихъ устахъ два обри и единъ главу нагору, а другыи доловъ, и стояху, яко два столпы» соотносится с ожидаемой главой 91;

«Глава е. Тогда Таудалусъ – буд рад или не рад – и взялъ краву, почаль ю процовати, яко ж мога, на мость. Обаче мнози сут праздники техъ мукъ, иже ихъ смертнаа беда вечного заслужения не объклижи» соотносится с ожидаемой главой 92;

«Глава с. 3 них жъ то сут лезли тии истии гадове, имеяху во хвостехъ много жал; а кривы, яко уды, иже то души бодяху з них жъ, то сут лезли. А хотяще вылести з тихъ душъ тии гадове» соотносится с главой 94 [10, S. 206–207].

Глава 91 интересна своим описанием адского чудовища. Курсивом выделен фрагмент, сохранившийся в старобелорусском переводе: «*Oculi ejus quasi colles igniti; os ejus valde patens et apertum, videbatur posse capere novem milia hominum armatorum. Habebat autem in ore suo duos paratos gigantes, versis capitibus valde incompositos, quorum unus habebat caput rursus ad superiores dentes prefate bestie et pedes deorsum ad inferiores, alius vero e converso. Et erant quasi columpne in ore ejus, quae os illud in similitudinem trium portarum dividebant. Flamma inextinguibilis ex ore suo exhibat, quae in tres partes dividebatur, et contra ipsam flammam animae dampnandae intrare cogebantur. Fetor quoque incompatibilis ex ore ipso exhibat, et planctus multitudinis de ventre ejus, per idem os audiebatur.* = Его глаза казались горящими холмами. Рот его был открыт и так широко раскрыт, что, казалось, в нем могли бы поместиться девять тысяч вооруженных людей. Во рту у него было два необычных великана с повернутыми головами. У одного из них голова была прижата к верхним зубам этого зверя, а ноги к нижним; у другого наоборот. Они были как колонны у него во рту и заставляли его рот казаться разделенным на три части. Неугасимый огонь также извергался из его рта, который был разделен на три части тремя вратами, и в это пламя осужденные души были вынуждены войти. Ни с чем не сравнимая вонь исходила и из его рта».

Глава 94 предлагает не менее фантастическое описание чудовищ. Курсивом выделен фрагмент, сохранившийся в старобелорусском переводе: «*Pariebant autem non solum femine, sed eciam*

viri; et hoc non per membra, quae natura constituit tali officio conveniencia, verum per brachia simul et pectora. Exhibantque erumpentes per cuncta membra bestie habentes capita ardencia et rostra ferrea acutissima, quibus ipsa unde exhibant corpora dilaniabant. *In caudis autem suis habebant eedem bestie multos aculeos qui, quasi hami retro retorti, ipsas a quibus exhibant animas pungebant* = Рождали их не только женщины, но и мужчины не через ту часть тела, которую природа создала подходящей для такой функции, но через руки, точно так же, как через груди, и они выходили наружу через все члены. У этих рожденных существ были раскаленные железные головы и острейшие клювы, которыми они разрывали тело на куски, где бы ни появлялись. *У этих же зверей было много точек в хвостах, которые, подобно закрученным крючкам на спине, наказывали души, из которых они выходили*».

Пропущенная глава 93 латинского текста, содержит красочное описание наказания чревоугодников и блудников: «Cum autem irent per tenebrosa loca atque arida; apparuit eis domus aperta. Domus autem ipsa quam viderant erat maxima ut arduus mons pre nimia magnitudine; rotunda vero erat quasi furnus. ubi panes coqui solent positione. Flamma quoque inde exiebat; que per mille passus quascumque animas invenit comburebat = После того как они прошли через сухое и тенистое место, перед ними появился открытый дом. Дом, который они увидели, был очень большим, высоким, как гора, и круглым, как печь, в которой обычно пекут хлеб. Из него также исходило пламя, которое сжигало все души, бывшие в радиусе тысячи миль».

Пропуск главы 93 и совпадение общего числа глав может указывать на то, что больше исключенных глав из текста не было, и весьма важная глава 98-я латинского текста вошла в перевод в качестве главы 10-й, предпоследней.

Винцентий, гл. 98, *De statu mediocriter malorum et bonorum*: «Conversa anima sequebatur angelum praecedentem; et cum non longe pergerent, fetor evanuit, destructisque tenebris lux apparuit, fugatoque timore securitas rediit, et deposita tristitia anima illa repleta est gaudio et laetitia; ita ut se tam cito mutatam miraretur, et diceret: «O domine, quomodo tam cito mutata sum?» Cui angelus: «Benedicta sis. Ne mireris, haec est mutatio dexteræ Excelsi. Per aliam viam redire debemus in regionem nostram. Tu ergo, benedic Deum, et sequere me» Euntes autem viderunt murum nimis altum, et infra murum ex illa parte qua venerant, erat plurima multitudo virorum ac mulierum, pluviam et ventum sustinentium, et erant valde tristes,

famem et sitim sustinentes: lumen tamen habebant, et fetorem non sentiebant. Tunc ait angelus: «Isti quidem mali fuerunt, sed non valde; honeste vixerunt, sed bona temporalia pauperibus non sunt largiti; et ideo per aliquot patiuntur annos pluviam et ventum, famem et sitim; sed post ducentur ad bonam requiem» = Душа повернулась и последовала за ангелом, который предшествовал ей, и когда они не ушли далеко, зловоние исчезло и появился свет, уничтожающий тени, страх быстро улетучился. Как только печаль осталась позади и прошла, душа Тундала наполнилась радостью и счастьем. Поскольку она сама так быстро изменилась, она удивилась и сказала: “Мой господь, скажи мне, умоляю тебя, что это такое, что я почувствовала, так быстро изменило меня? Ибо я была слепа, и я вижу путь, мне было грустно, и я счастлива. Всю дорогу я терпела невыносимую вонь, и теперь действительно не чувствую никакого дурного запаха. Я боялась, очень боялась, теперь я счастлива и в безопасности”. Отвечая, ангел сказал ей: “Да будешь ты благословена, чтобы ты не удивлялась, ибо это изменение на правой стороне небес. Ибо мы обязаны вернуться в наше место другим путем. Поэтому благословляй Бога и следуй за мной”. Когда они пошли дальше, они увидели очень высокую стену, и внутри стены с той стороны, откуда они шли, они увидели великое множество мужчин и женщин, терпящих ветер и дождь. Они были очень печальны, терпели голод и жажду; тем не менее у них был свет, и они не чувствовали зловония. Душа спросила: “Кто эти люди, которые задержались в подобном месте?” Ангел ответил: “Эти души злые, но не очень злые. Действительно, они старались следовать честно, но в хорошие времена они не были щедры к бедным, как следовало бы, и поэтому в течение многих лет они заслуживают того, чтобы страдать от этого дождя; затем их отведут в хорошее место”».

Перевод данной главы означает попытку внедрения в сознание православных жителей ВКЛ одного из основных догматов римско-католической церкви: учения о чистилище.

«**Gesta Romanorum**» («Римские деяния») первоначально представляли собой сборник рассказов, почерпнутых из сочинений позднеримских авторов. В дальнейшем сборник пополнялся в основном средневековыми легендами и рассказами. Но тем не менее, ради сохранения общего формата, материал переносился в римское время (составитель привязывал нарратив к реальным или вымышленным римским императорам). Новые рассказы получили численное

превосходство над римскими, но название осталось. Полтора десятка новелл составитель позаимствовал из сборника Петра Альфонса (1062–1110 гг.) «Наставление учащемуся» («Disciplina clericalis»).

«Безнадежная путаница географических и исторических представлений..., – пишет переводчица сборника на русский язык, – могла возникнуть только “естественным” путем, а не в результате желания эрудита подделаться под низовой текст. “Римские деяния” ... прямо кишат утверждениями вроде, например, того, что Вергилий – современник императора Тита (новелла 20), Сократ живет в Риме и женат на дочери императора Клавдия и при этом современник Александра Македонского (новелла 24); на римском престоле сидят императоры Корнилий, Луций, Октавиан, который к тому же оказывается праведным христианином и совершает паломничество в святую землю, Дорофей и многие другие...» [14, с. 351].

Новеллы «Gesta Romanorum» как правило включали в себя морально-этические пояснения. Были ли эти толкования присущи сборнику изначально, или прибавлялись потом, по мере его пополнения, имели ли новые новеллы толкования или обретали их в составе сборника, все эти вопросы пока решены быть не могут.

После появления книгопечатания «Gesta Romanorum» активно издавались, начиная с 70-х годов XV в. Текст при этом продолжал развиваться: утрехтское издание (ок. 1472 г.) содержало 151 новеллу, более поздние – 181.

В конце XIX в. немецкий медиевист Остерлей опубликовал сводный текст по утрехтскому и кельнскому изданиям с прибавлением новелл, сохранившихся в печатной и рукописной форме. Общее число составило 283 рассказа.

Польский текст. В XV в. латинский сборник был переведен на многие европейские языки: английский, немецкий, французский, голландский, чешский и др. На польский язык латинский сборник «Gesta Romanorum» был переведен в XVI в. и сразу же напечатан. Сохранившиеся издания XVI в. (1543 и 1566 гг.) представляют первую редакцию польского сборника (она включает 40 глав), а издания XVII и XVIII вв. – вторую, сокращенную, редакцию (исключена глава о скупом кузнеце). Сводный текст второй польской редакции по трем изданиям XVII–XVIII вв. был издан Яном Быстрономом [15].

Старобелорусский текст. Старобелорусский текст сохранился под названием, приписанным почерком XIX в.: «Древняя повести с

прикладами или собрание разных полезно-забавных историй с уравнениями, то есть прикладов или примеров с выкладами или нравоучительными выводами, писанных словено-польским наречием для пользы и забавы чтущих и слышащих. В Могилеве 1688 года». Относительно его в литературе были высказаны следующие тезисы:

Александр Надсон: «Беларускі тэкст «Рымскіх дзеяў» зьяўляецца тлумачэньнем з польскага выданьня 1553 г., хоць гісторыя аб Апалёне крыху розніцца ад польскай вэрсіі... Тэкст быў выданы ў кнізе: Римские деяния, изд. Общества любителей древней письменности. СПб., 1877–1878... Выданьне зробленае з рукапісу з 1688 году, знойдзенага ў Магілёве» [16].

Зора Кипель: «“Рымскія Дзеі” (“Gesta Romanorum”) – збор апавяданьняў XIII ст. з рымскай гісторыі... Да зборніку з гадамі дадаваліся розныя іншыя апавяданьні, і колькасць іх узрастала. У XV ст. зборнік быў перакладзены на чэскую мову, а ў XVI – на польскую. Польскі пераклад захаваў толькі 39 апавяданьняў. Расійскае выданьне 1681 г. праз пасрэдніцтва беларускага было кампіляцыяй польскага выданьня 1663 г., якое не захавалася, як не захаваўся і беларускі пасярэднік. Захаваўся, аднак, іншы беларускі тэкст перакладу “Рымскіх Дзеяў”, які ў 1688 г. рыхтаваўся да друку ў Магілёве, але быў надрукаваны амаль праз сто гадоў пасля, у 1877 – 1878 гг. у Пецярбургу, і ведамы ў літаратуры як “рускі пераклад з беларусіцызмамі”» [17].

В данном случае интерес представляет то, что могилевский перевод 1688 года признается старобелорусским с локализацией в пределах Великого Княжества Литовского.

Рассказ о неисповедимости путей божиих. Анализ каждой истории сборника выходит за рамки обозначенной для работы проблемы. Рассмотрена будет только одна новелла: *Przykład o chytrósci djabelskiej, a jako sądy boskie są skryte = De versutia diaboli et quomodo dei iudicia sunt occulta = Приклад сиречь бытия о хитрости диавольстей, яко судьбы божия неиспытаны и скрыты суть.*

Порядок рассмотрения будет следующий: латинский текст, польский перевод с латинского, старобелорусский перевод с польского. Латинский текст взят из берлинского издания 1872 г. [19]. Старобелорусский перевод взят из могилевского сборника [18, с. 332–336].

Сюжет новеллы: Отшельник живет в пещере. Пастух пасет овец. Заснул. Вор угнал отару. Хозяин убил пастуха. Отшельник увидел

несправедливое убийство, покинул пустыню и пошел в мир. Бог послал ангела. Ангел сказал отшельнику, что будет его попутчиком. Пришли в город. Получили приют в доме рыцаря. В полночь ангел задушил единственного сына рыцаря в колыбели. Пришли в другой город. Получили приют в доме. В полночь ангел украл (положил в свою сумку) драгоценный кубок хозяина. Подошли к мосту. Ангел попросил у нищего показать им дорогу. Нищий показал и пошел дальше. Ангел догнал его и утопил в реке. Пришли в город. Богач пустил их ночевать в свинарник. Утром ангел отдал ему украденный ранее драгоценный кубок. Далее следует объяснение поступкам ангела. Особый интерес представляет реакция отшельника в каждом эпизоде.

Убийство младенца. *Numquid iste erat angelus dei bonus? Miles omnia necessaria propter dei amorem ei dedit, et non habuit nisi unicum filium innocentem et iste eum occidit!* = *Jeśli to jest anioł boży, oto ten dobry rycerz dał mu wszystkie potrzeby z łaski, a nie miał tylko tego jednego syna, a on mu go oto zabił* = *Естьли бы то был ангел божий, не бы тако сотворил – тот добрый рыцарь даша ему вся потребная; а не имеша у себя детей, кроме того единого дитяти, а он удавил.*

Обращают внимание на себя два момента: 1. латинский текст говорит о добром ангеле, что может указывать на существование злых ангелов, 2. старобелорусский текст добавляет «а не имеша у себя детей», драматизируя тем самым ситуацию.

Кража кубка. *Iste malus angelus est ut credo; iste civis nobis optime fecit et iste est furatus ciphum suum* = *Zaiste to zły anioł musi być, bo ten mieszczanin wszystko nam dobrze uczynił. a on mu kubek ukradł* = *Воистину то злой дух имать быти – сей мещанин все нам добре учинил, а он у него кубок украл.* Латинский текст реализовал свое указание на существование злых ангелов, польский перевод следует за латинским текстом. Старобелорусский переводчик заменяет *zły anioł* на «злой дух». Словосочетание «злой ангел» было для жителя Великого Княжества Литовского оксюмороном?

Убийство нищего. *Jam scio, quod iste diabolus est et non angelus dei bonus; quid mali fecit pauper iste?* = *Już baczę, że to jest zły duch, a nie dobry anioł. I cóż mu uczynił ten ubogi człowiek, że go utopił?* = *Ныне разех разумех, яко той есть злой дух, не добрый ангел божий; и что ему учинил сей убогий человек и что и за что его утопил!* В данном случае от дословного перевода отказывается польский автор, заменяя *diabolus* на *zły duch*. Переводчик на старобелорусский язык следует за польским

текстом, но считает уточнить, что это не просто добрый ангел, а «добрый ангел божий», подчеркивая тем самым, что зло от бога исходить не может.

Передача кубка за ночевку в свинарнике. *Jam sum expertus, quod iste est diabolus; bonus homo [erat], qui cum omni devocione nos recepit, et furatus est ei ciphum et dedit isti pessimo, qui negavit nobis hospicium* = *Już prawie wiem, że to jest zły duch, bo człowiekowi dobremu wziął a dał go temu człowiekowi, który nas w domu nie chciał przyjąć* = *Ныне право вем, что то злый есть дух, зане у человека добраго украл кубок сей и отдал его сему злому человеку ни за что, которой нас и в дом свой не хотел пустить*. Повторение указанной выше ситуации: в польском переводе слово *diabolus* заменено на *zły duch*.

Есть расхождения между переводами и во второй части новеллы, когда ангел объясняет свои поступки.

Убийство пастуха. *Deus ergo permisit eum occidi* = *Pan Bóg nań śmierć przepuścił* = *посла господь бог на него некого таковую смерть*. Все-таки разница между *przepuścić* (допустить) и *posłać* есть и существенная. В первом случае пассивно не заметил, во втором случае активно содействовал.

Убийство младенца. *Antequam puer ille natus erat, miles optimus elemosinarius erat et multa opera misericordie fecit, sed postquam natus est puer, factus est parcus, cupidus et omnia collegit, ut puerum divitem faciat, sic quod erat causa perditionis ejus, et ideo puerum occidi, et jam, sicut prius, miles factus est bonus christianus* = *niżeli się ono dziecię było narodziło, on rycerz wielkie jłmużny dawał, ale gdy się mu syn nrodził, stał się bardzo skapy a łakomy, aby syna ubogacił. A tak syn i on byliby potępieni, a dlatego zabiłem jego syna, aby się ku pierwszym snotom nawrócił* = *как то дитя у него не родилося и тот рыцарь великую милостину творил, а как ему то дитя родилося, и он стал велми скуп велможею и паном, чтоб сына своего обогатил; и тогда бы он погибоша в муку вечную, и для того аз у онаго рыцаря сына удавил, да на прежние добродетели возвратится*.

С точки зрения борьбы за распределение ресурсов (средства должны идти не на семью, а церкви) моральный вывод, предложенный ангелом понятен. Но этот вывод смягчает польский переводчик. По латинскому тексту направление всех ресурсов на поддержку церкви является обязанностью доброго христианина. В польском тексте (а затем и в старобелорусском) обязательность заменяется желательностью: *ku pierwszym snotom nawrócił* = *на прежние добродетели возвратится*.

Убийство нищего. Если бы он прошел с пол мили, то он убил бы человека. Ангел, утопив нищего, спас его душу от смертного греха, а второго человека от смерти.

Передача кубка за ночевку в свинарнике. Весьма интересно объясняет ангел передачу кубка человеку, который не пустил путников в дом, предложив им ночевку в свинарнике. Латинский текст звучит несколько невнятно, связь между вручением кубка и посмертной судьбой не установлена: *Nichil in terra fit sine causa; ipse nobis concessit domum porcorum et ideo ciphum ei dedi, et post vitam istam in inferno regnabit* = Ничто на земле не существует без причины: он отвел нам свиной хлев и потому получил кубок, но, свершив эту жизнь, попадет в преисподнюю.

Переводчик на польский язык расставляет акценты: *Zaden uczynek dobry nie jest bez żadnej odpłaty, abo tu abo po tym żywocie; a ja za takowy jego dobry uczynek (acz barzo niewdzięczny) z chęcią dałem mu ten kubek, aby po tym żywocie zapłaty wiecznej nie wziął*. Речь идет о вознаграждении за добрый поступок. Но есть подвох. Получив награду сейчас, человек не сможет требовать повторного вознаграждения после смерти. Про его осуждение на муки в преисподней переводчик не упоминает.

Переводчик на старобелорусский язык повторяет версию своего польского коллеги: «Всякое доброе дело без заплаты не бывает или тамо на оном веце или zde. И я за то его доброе дело дал ему кубок тот, хотя он нас и нечестием принял, чтобы он на оном веце заплаты не принял вечно».

Старобелорусский перевод рыцарского романа «О Тристане и Изольде». Старобелорусский перевод средневекового рыцарского романа «О Тристане и Изольде» неизменно находится в поле зрения исследователей по целому ряду причин.

Во-первых, это единственный перевод широко известного произведения в Восточной Европе, переводы на старорусский и староукраинский языки отсутствуют.

Во-вторых, этот перевод фиксирует состояние живой разговорной речи Великого Княжества Литовского в XVI в.

В-третьих, перевод романа «О Тристане и Изольде» был каналом для рецепции западноевропейского средневековья.

В-четвертых, подключает жителей Великого Княжества Литовского к решению одной из основных проблем позднего средневековья: соотношение личных интересов вассала и его верности

сеньору; именно эта проблема является ключевой всего нарратива, посвященного Тристану и Изольде.

Первое исследование романа предложил профессор Александр Брюкнер при описании Познанского сборника. Выявленные им лексические сербизмы подтвердили указание заглавия о том, что рыцарская повесть взята «съ книгъ сэбских». Хотя сербский перевод романа «О Тристане и Изольде» не обнаружен. Итальянские слова, по мнению исследователя, попали в сербский текст из оригинала и маркируют таким образом источник перевода: итальянский вариант романа [20].

Академик Александр Николаевич Веселовский (1838–1906), проведя последовательное сопоставление старобелорусского перевода со старопечатным французским прозаическим романом и итальянским переводом сделал предположение о возможном характере сербского текста. По его мнению, последний не был точным переводом итальянского варианта, а, скорее переделкой, что проявилось в сокращении и изменении заключительной части [21]. А. Н. Веселовский также издал текст старобелорусского перевода [22]. Эта публикация была повторена в академическом издании «Легенда о Тристане и Изольде», вышедшем в серии «Литературные памятники» в 1976 г. [23]. Новое издание перевода было опубликовано в 2009 г. составе сборника «Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан...» [24, с. 371–477].

Старобелорусский перевод интересен прежде всего тем, что он транслировал на земли Великого Княжества Литовского информацию о неизвестных здесь реалиях западноевропейском средневековья, в частности, о рыцарских турнирах: «А было десет рыцэров от Округлого стола, тые держали одну руку против короля Ианиша из Локви и чынили они великое чудо, прогнали много рыцэров. Гарнот а Иван, сын короля Урыяна, а Гаваон, Гееш и король Бэндемагул, Дондиел, Согремор, Гвиреш, тые рыцэры были велми добрые. И коли ся они пустили в тот турнай, они вчынили великое чудо в малом часу, и вси не могли против их стрывати ш и держати поле, а были бы побиты, коли бы не было доброго рыцера з двема мечы и с чорным щытом. Коли он вдарыл з другое стороны турная и почал чынити великое чудо, если бы человек не видел, не мог бы тому верыти: он почал здирати гелмы з рыцэров и метати с коней по земли, и вси, которые его видели, мовили, што он добыл сего турная; и для его рыцэрства вси зляклися и не могли стрывати против его. Гаваон был ранен двема ранами, а Гарнот мел тры

раны, а Иван также, и все мели раны тяжкие и звалены были с коней. И коли король изэ стома витезми видел себе побитого, он был так жалостен, што мало не встекся а, бо он миловал красную Ижоту всим сэрцэм и боялся, абы она того не доведася, и мыслил о том, як бы ся мьстил. Для того послал волати б по всим сторонам, нехай будет опят турнай до десятого дня, бо мыслил прыехати опатрно и нарядно лепшей, нижли перво. И коли был волан турнай и было слышати усим, и розъехалися вси [и] король Ленвиз, абы ся справили к другому турнаю. И коли видел король [С]гоский, што с чорным щытом рыцэр тот турнай добыл, он его прынял у великую любов... И коли Трыщан тое чул и видел, рекл: “То ест Паламидеж”. Познал его знаме и рек: “Дайте ми гелм, з добрым рыцэром хотел бых ся на поли видети”. И рыцэры вси к нему кинулися, и каждый з них давал ему свой гелм. И кгда Трыщан гелм узложил, и они ему повезали и потвердили, як ест потреба напротив другому рыцэру, и взял сулицу и справился против Паламидежу. И коли ся увидели один другого, Трыщан рек: “Рыцэру, потреба ми тя ест”. И он ся направил к нему; и он рек: “Едь сюда, да видиш”. И так ся пустили один к другому и вдарили велми мощно, и Паламидеж зламал сулицу, а Трыщан вдарыл его так мощно, што он пал на землю с конем, и от того вдару забился велми и не вмел, што вчинити, и дивился тому, што ся ему так прыгодило, и усел на коня и хотел поехать на стан и не смотрел очыма а ни сам а ни там. А Трыщан, который ся на него велми гневал, видел его бегучы, ехал за ним и погонил его, и мало на том мел, што ему в том скиненью один сором вчинил, и мыслил его на то прывести, штобы николи не смел прыйти к Ижоте на очы. И догонил Паламидежа, рек голосом: “Рыцэру, вернися, да видим, который з нас годнейший доброты рыцэрское и который з нас годнейший миловати красную Ижоту”. Коли Паламидеж тую реч чул, он ся домыслил, што ест Трыщан, и престрашылся велми, иж не верыл, абы он так добрый был, доколе не видел от него того удару, и вернулся к нему и взял меч и видел, што не може отехати без раны. Трыщан прышол велми прудкое и взял меч, почали ся мощно рубати. Трыщан прыступил и тял его великим ударом по гелму; он ся не мог на кони одержати и пал на землю розбит и лежал великую филю, не знаючы если ден або ноч. И коли Трыщан тое видел, он был о том велми весол, што ся ему добре стало, и видел то, што сполнил свою волю, чого наиболее жедал. И коли добыл доброго рыцэра Паламидежа, которого велми ненавидел, и поставил его у такой ганбе, и поехал от того турная до господы» [23, с.

404, 406].

Выводы. Исторический нарратив XVI в. на территории Великого Княжества Литовского может быть представлен следующим образом:

1. Формируется практика перевода наиболее интересных фрагментов из исторических сборников на старобелорусский язык («Видение Тнугдала» из «Зерцала» Винцента из Бове). Помимо традиционных хроник и летописей в XVI в. отмечены «примеры» и «рыцарские романы». При этом «примеры» следовали в русле, обозначенном польской исторической традиции. «Римские деяния» были переведены непосредственно с латинского языка. После этого последовал перевод с польского на старобелорусский язык. Аналогичный процесс проходил в российском нарративе, связанном со средневековой историей Западной Европы. Там также сделали перевод «Римских деяний» с польского издания. Хотя не исключается и обращение к старобелорусскому переводу.

2. «Рыцарский роман», отмечен только на землях Великого Княжества Литовского: перевод на старобелорусский язык широко известного средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда». Вариант романа на старорусском языке неизвестен. Сохранение в исторических нарративах западноевропейских парадигм восприятия средневековья позволяет говорить о рецепции последних в интеллектуальный кругозор авторов и переводчиков Великого Княжества Литовского. В частности, через рыцарский роман «Тристан и Изольда» внедрялась широко распространенная в позднесредневековой Западной Европе полемика о соотношении (приоритете) личных интересов и феодального долга перед сеньором.

**Белорусская медиевистика: выписки по истории средних веков
XVI–XVIII вв.**

Парадигма «sześć wieków, monarchie czterzy» Мартина Бельского. Мартин Бельский (1495–1575) был шляхтичем Вольским герба Правдзиц, военным, лично участвовал в сражениях, хорошо разбирался в генеалогии и геральдике. В 1540 г. он женился. В приданное получил поместье Белая Шляхетская, после чего начал писаться Мартином Бельским. Прославило его историческое сочинение «Хроника всего мира» (Kronika wszystkiego świata) [25]. При жизни автора книга издавалась трижды: в 1151, 1554 и 1564 гг.

Издание 1551 г. включало в себя Космографию, изложение истории всемирной, а также Венгрии, Чехии и Польши. Издание 1554 г. было разбито на четыре книги. Издание 1564 г. составили уже десять книг. При этом первые две не изменились после второго издания, третья повествовала о церковной истории, четвертая – о Турции, пятая – о Космографии, шестая – о Венгрии, седьмая – о Чехии, восьмая – о Польше, девятая – о Московском государстве, десятая – о Новом свете. Завершали сочинение главы «О рае», «Об аде» и «О воскрешении и Судном дне». Историческое развитие человечества автор рассматривает через предложенную Аврелием Августином (V в.) парадигму прохождения возрастов. При создании рамки Мартин Бельский ориентируется на нескольких писателей, демонстрируя при этом критический подход. Он не настаивает на какой-либо одной концепции, а приводит несколько вариантов распределения сразу.

Первый возраст: «Pierwszy wiek swiátá poczyna sie od Adámá do Noego według Zydow iest lath 1656. według Euzebiuszá lat 2243. według Augustyná lat 2268. według wykłádaczów Bibliey 2249».

Второй: «Wiek wtory swiátá poczyna sie od Noego álbo od potopu do Abrámá według Zydow lath 294. według wykłádaczów Bibliey lath 942».

Третий: «Trzeci wiek swiátá poczyna sie od Abrámá do Dawidá iest lat 832. według niektorych lat 942. Roku od początku swiátá według siedmidzyesiát wykłádaczów, Bedy y Orozyusza 3184. według niektorych 3034. według żydow tylko 1548. według Káryoná 2000».

Четвертый: «Wiek czwarty swiátá poczyna sie od Dawidá do skázenia Bábiloniey przez Cyrusá z Dáryusem iest lat według naszych Historykow 485. A od początku swiátá do tego czásu wieku czwartego było lat według wykłádaczów Bibliey 4126. A od národzenia Abráámá lath 941».

Пятый: «Piąty wiek swiátá poczytáią być od zniewolenia Zydow álbo od skáżenia Ieruzálem przez Nábchodnozora aż do národzenia Páná Krystusá iest lat 589. Philo kładzie 592».

Шестой: «Wiek szosty á ostáteczny: od národzenia Páná Krystusá aż do dnia sądneho álbo skończenia swiátá. Było lat stworzeniu swiátá do národzenia Páná Krystusá według Zydow 3952. według Euzebiusza 5199. według Astronomow 5328. według Alfonśa 6984 á według Káryona lat 3944».

На рамку возрастов Мартин Бельский накладывает рамку «четырёх царств», предложенную в книге пророка Даниила: «O ktorych správach Dániel Prorok w pismie s. pisze przez obiáwienie Boskie dwoiákim obyczáiem. Napirwey pod postáwą wielkiego mężá álbo słupá ktorego głowá byłą złota pierśi srebrne żywot miedzyány goleni żelázne. Wykláda to widzenie Dániel o czterzechh o správach przednich ná swiecie. Głowá złota známionuie Monárchią pirwszą Assyriyską w ktorey napirwey pánował Ninus. Srebrne pierśi Perską w ktorey Cyrus pánował. Żywot miedzyány Grecką gdzye pánował Alexánder wielki. Goleni żelázne Rzymską gdzye Rzeczpospolita pánowála. Nogi gliniáne y żelázne známionuią dzisieyszą spráwę Rzymską y słábą y krzepką iákoby nieustáwiczná ktory słup kámién z niebá (to iest Krystus – opoká) gdy spádnie rostráci a w niwecz obroći».

Как можно видеть, средневековая история Западной Европы описывается по двум параметрам: 1) заключительная эпоха шестого возраста, 2) заключительная эпоха римской истории.

Вполне естественно возникает вопрос, с какого именно времени Мартин Бельский начинает отсчет заключительной эпохи римской истории? С 410 г., захвата Рима готами? С 476 г., свержения Ромула Августула? Или что-то иное?

Первый вариант не находит подтверждения в тексте. Мартин Бельский о взятии Рима упоминает и видит в нем особый хронологический рубеж. Но само событие (гнев Алариха и осада Рима), по его мнению, было связано со знамением, данным Ромулу при основании города: «A ták s tego gniewu Alárykus ciągnął do Rzymá obegnał gi. A iż nie był ktoby mu odpárł. wzyął gi zá dwie lecie wszákże iednák miłościwie sie záchował y przykazał pod gárdłem, ktoby vciekł do kościoła Krześciáńskiego áby pokoy miał. A to było od národzenia Krystusá 412 á od záłożenia Rzymu lat 1164. **A tu sie spelnilo Romulusowe widzenie, ktory widzial dwánascie Sepow przy zákládaniu Rzymu,** to známionowáło iż dwánascie set lat miał stać Rzym w pokoju á to sie wypełniło do Totyllásá

Ostrogotskiego krolá, o ktorym będye niżey nápisano». Период от Алариха до Тотилы (VI в.) по мнению Мартина Бельского был направлен в прошлое, а не в будущее. Следовательно, захват Рима готами новую страницу в истории не открывал.

Относительно второй даты Мартин Бельский пишет: «Látá od národzenia Páná Krystusá 476. **Zeno Cesarz Konstántynopolski i eszcze zá żywotá od Leoná wybrany...** Zá niego potym Odoácer Ostrogocki krol z wielkoscjá ludu Thucylingoru y Herulow (byli teź s połnocnych kráin) do Rzymá przyciągnął wojując przeciw ktoremu Zeno posłał Theodoryká krolá Gotskiego». Акцент сделан на приходе к власти восточноримского императора Зенона, а не на свержении Ромула Августула. Новый исторический период не открывается, просто продолжается линия наследования византийскими императорами.

Рубежным Мартин Бельский признал принятие королем франков Карлом Великим императорского титула: «Látá od národzenia Páná Krystusá 801. Karolus wielki syn Pipiná krolá Fráncuskiego ná Cesarstwo Rzymskie w dzyeń Bożego národzenia w Rzymie od Papieżá Leoná trzeciego z rádosciá pospolitego ludu był koronowan **od ktorego sie poczęło roździelenie Cesarstwá Konstántynopolskiego z Włoskim** ktore był przeniósł Konstántyn wielki do Grekow z Rzymá przed piąciá set lat bez málá».

Четвертая монархия (римская) оказалась разделенной между Италией и Византией, открыв тем самым новый исторический период, который, в свою очередь открыл западноевропейское средневековье в его современном понимании. Таким образом, последующий текст второй книги Хроники Мартина Бельского представляет собой изложение истории Западной Европы, доведенное до смерти Мартина Лютера в 1546 г. (по первому изданию Хроники).

Как можно видеть, средневековая история с точки зрения Мартина Бельского охватывала IX – сер. XVI вв.

Белорусская медиевистика. Выписки по истории средних веков из сочинения Мартина Бельского. Хроника Мартина Бельского достаточно быстро распространялась, в том числе и на земли Великого Княжества Литовского. Однако здесь господствующим языком в это время был не польский, а старобелорусский или западнорусский. Таким образом, был необходим перевод.

Первый (западнорусский) перевод. Перевод обширного фрагмента из Хроники, начинающийся с описания правления Карла

Великого, был включен в состав Русского хронографа западнорусской редакции (вторая половина XVI в.). Всего сохранилось 15 списков [26, с. 179].

Время перевода определяется следующим образом. Советский текстолог Наталья Александровна Казакова (1915–1984) в книге «Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков» опирается на рассуждения С. П. Розанова, высказанные в 1913 г. по поводу состава Хронографа западнорусской редакции: включенный фрагмент не сходится с изданием Хроники 1564 г. и не везде совпадает с изданием 1554 г. Значит, он взят из издания 1551 г. Н. А. Казакова сопоставила оглавления Хроники издания 1551 г. и включенного фрагмента. Вывод был следующий: «Сопоставление полностью подтверждает предположение С. П. Розанова о том, что при составлении Хронографа западнорусской редакции было использовано первое издание Хроники... Перевод этот имел место не ранее 1551 г. ... и не позднее 1555–1566 гг., времени составления Никоновской летописи, одним из источников которой был Хронограф западнорусской редакции» [27, с. 236–237].

Второй (белорусский) перевод. По поводу более позднего перевода фрагмента из Хроники Мартина Бельского Н. А. Казакова пишет следующее: «Наиболее подробная запись, сохранившаяся в списке ГПБ, Ф. IV. 162, гласит, что по повелению польского короля Сигизмунда II Августа Хроника, написанная Марцином Бельским, была переведена с польского языка на русский шляхтичем Великого княжества Литовского Амброжием Брежевским. Далее в записи сообщается, что “списана сия книга в царствующем граде Москве в лето 7092, а в польских числах в лето от парождения божия в 1584 генваря в 5 день”. В других списках русского перевода “Хроники” указывается лишь, что она была переведена с “полскаго на российский на Москве” в 1584 г. 5 января. На основании приведенных записей исследователи считают, что по повелепию польского короля Сигизмунда II Августа (умер в 1572 г.) шляхтич Амброжий Брежевский перевел “Хронику всего света” на **белорусский** (выделено мной – *И. Е.*) язык, а в 1584 г. в Москве она была переведена на русский (великорусский) язык» [27, с. 234]. При этом на ссылается С. Пташицкого: «Был сделан белорусский перевод, а с него в Москве – на великорусское наречие» [28, с. 372]. Белорусский перевод, очевидно, не сохранился. Тем не менее он был. Интересен также сам факт перевода. Видимо, старобелорусский язык был не совсем понятен русскому читателю.

Третий (западнорусский) и четвертый (староукраинский) переводы. Тот же С. Пташицкий в следующем абзаце отмечает, что западнорусский перевод представлен двумя списками: F. IV. 688 (Публичная библиотека, XVI в.) и № 1273 (Музей кн. Чарторыйского в Кракове, XVI в.) [28, с. 372]. Первый перевод сделан с издания Хроники 1554 г., второй – с издания 1564 г. [28, с. 377]. Исходя из того, что издания Хроники отличаются между собой, можно говорить о двух переводах. Они сохранились, но уступают по своей значимости рассмотренному западнорусскому переводу из Хроники издания 1551 г.

По мнению Н. А. Казаковой второй перевод представляет собой «западноукраинскую хронографическую компиляцию, в основе которой лежит перевод па украинский язык издания 1564 г.» [27, с. 234–235].

Пятый (белорусский) перевод сохранился в составе Великой хроники («Летопис, то есть кройника великая з розных многих кройникаров диалектом руским написана, а найпервей о створеню от бога о днех шестих»). Манускрипт был обнаружен В. И. Бугановым в Государственном архиве Тюменской области (Отдел рукописных книг, № 79). Отсюда происходит название списка, Тобольский. Великая хроника представляет собой рукопись в лист, написанную на плотной белой бумаге желтоватого оттенка. Водяные знаки – герб Амстердама со словом «МАРТИН»; в конце рукописи – тоже герб Амстердама, но с буквами ПВ. Похожий по почерку и бумаге Ленинградский список Великой хроники датируется началом 40-х годов XVIII в., что позволяет предположить, что и Тобольский список появился примерно в то же время.

В начале рукописи имеется два чистых листа, затем следует обращение к читателю: «Слово ко любимому читателю всякому», за которым идет «Оглавление речей, которые в сей книзе обретаются». «Слово» и «Оглавление» имеют собственную нумерацию листов. После оглавления снова два листа чистых, а за ними текст собственно Великой хроники. Листы рукописи с первого и до 42-го пронумерованы буквами славянского алфавита в правом верхнем углу листов; параллельно нумерация дана цифрами, теми же чернилами, какими написана рукопись; после 42-го листа нумерация только цифровая. Всех пронумерованных переписчиком листов 575. Затем следуют еще два листа, на которых очередные цифры написаны фиолетовыми чернилами (что указывает на 20-е годы XX в.). Кроме того, есть карандашная нумерация: начинается на чистом листе после оглавления с цифры 7;

пронумерованы десятые листы (50, 60 и т. д.) и некоторые другие. Таким образом, в рукописи имеется листов: 2 чистых, 16 «Слова» и «Оглавления», 2 чистых, 575 текста (л. 211 пропущен) и 2 чистых [29, с. 3–4].

Великая хроника состоит из ряда разделов, в каждом из которых содержится история какого-либо народа или народов за определенный период времени. Первый и самый пространный занимает лл. 9 – 349. В начальной части его излагаются библейские события, прерываемы» другими (на л. 58 об. помещена «Исторья о золотом руне и о войне Троянской», на л. 59 «Байка и забобоны еллинов», затем опять следуют отдельные места из Библии, рассказ о Дидоне, повесть об Александре Македонском, «Гистория Иосифа Жидовина, сына Горионового», завершается раздел историей Византии. На лл. 350 – 360 помещена история средневековой Западной Европы («Панство краев заходних цесарев старого Рима»). С л. 361 начинается рассказ «О панствах турецких, отколь повстало и яко розмножилися и зашили в тые всходнии краины». Листы 451 – 543 об. занимает «Кройника литовская и жмойтская» [30].

Открывается Кройника словами: «Указалисмы тут уже достатечне и доводне, в котрых краинах света сынове Ноевы и потомкове его осели, вывелисмы теж певную енелогию народов розмаитых, початки и розмноженя их, тут уже о литовском славном и жомойтском народе, откол бы певныя и достатечный початки и розмноженя их было», заканчивается словами: «Року 1588. Жигмонт Третий, сын Яна, кроля шведского, по смерти кроля Стефана Батороя на кролевство Полское обраный и от арцибискупа гнежненского в Кракове коронованный».

Ранняя история излагается следующим образом: «Сталося втѣлене сына божия през духа святаго с пречистой девы Марии от початку свѣта 5508 лѣта. А оного часу было панство Римское под цесаром Августом, котрий Римом и всѣм свѣтом пановал, яко написано есть, иж за часу Августа цесара сын божий втѣлился, а за часу Кира, второго цесара по Августѣ, распят бысть для спасения нашего, и воскрес, и вознесся на небо, отколь мает приити судити живых и мертвых. А по смерти Кировой был Гайя цесаром, а по Гайи Клавдий, а по Клавдию сын его Нерон; так был окрутный, же и власную матку свою и учителя своего Сенеку без причины казал забити и килкокрот казал мѣсто Рим запалити не для чого иного, тылко, абы ся на огонь смотрѣл и тѣшил. Княжатом и паном римским и всей речи посполитой великие кривды и утиски

чинил, а так каждый подданный для великой округности его не был маетковъ и здоровья своего безпечен. И так многие, покидавши маетности свои, утѣкали до иных панств, шукаючи покою. В той час одно княжа римское, Палямон, Неронов повинный, зобравшись з жоною и дѣтми своими и подданными, зо всѣми скарбы, з которым было о пятьсот от шляхты римской, также з жонами и дѣтми, взявши з собою одного австронома, пошли в округах Морем, шукаючи собѣ мѣстца слушного, где бы мѣлы посѣлится и мешкати в покою. А mezi тою шляхтою были четыре дома найвышшии: перший з гербу Катовруса Доспронгус, другой з гербу Колюмнов Просперце Спримнус, Корсинус и Улиянус, и Гектор з гербу Рожей. И так оный немалый час по мору ходячи, пришли в Межиземское море и дошли \л.451об.\ реки Кисага, а тою рекою в самое море Окиян (мает быти море Балтицкое або Венедицкое), а морем Окияном вышли до устья реки в Корлянского моря, где Немен рѣка в тое море впавши (недалеко от Клойпеды або Ланела, замку велми оборонного пруского), до мора Балтицкого або Венедицкого впадает. А потом Немном вошли в море Курляндское або Немново, а то для того зовется, ижъ Немен в тое море Курляндское впадает дванатцетма мѣсци, а каждое называют своим прозвизском, mezi которыми называют одно усте Гексия. Оны пошли ку горѣ против воды, ажъ дошли до конца Немна и пришли до рѣки Дубасы, а идучи рекою Дубасою, нашли над нею горы высокие и дубровы пенкныи, розмаитыми обфитостями наполненыи, и звѣру розмаитого рожаю: туров, зубров, лосей, еленей, сарн, рисев, куниц, лисов, бѣлок, горностаев и иншого рожаю звѣру, также в рибях великую обфитость и дивных рыб з моря. И посадилися над тыми реками, Немном и Дубасою, и почали ся размножать, а тое мѣстце mezi тыми рѣками велми им подобалося, и назвали тую землю Жъмонт, от размноженя».

Данный сюжет (источники, развитие, возможные исторические прототипы) детально рассмотрен в главе «Антычныя крыніцы ў легендзе аб Палямону і рымскім паходжанні вялікіх князёў літоўскіх у летапісанні Вялікага Княства Літоўскага» монографии профессора Виктора Анатольевича Федосика «Антычнасць вачыма сярэднявечча» (Мінск: БДУ, 2016) [31].

Акцент, сделанный на образе Полемона в общественном сознании, указывает на то, что автор «Кройники литовской и жмойтской» стремился установить генетическую связь Литовского княжества с Древним Римом. Средние века для него оказались неактуальными.

Раздел «Панство краев заходних цесарев старога Рима» (лл. 350 – 360) посвящен именно средневековой Европе. К сожалению, какое-либо подробное описание материала, размещенного здесь отсутствует. Однако есть указание на то, что данный фрагмент является переводом из Хроники Мартина Бельского: «У ягонай (М. Улашчыка – *И. Е.*) медыявістычнай спадчыне... мы сустрэнем апісанне гістарыяграфічнага зборніка з першай паловы XVII ст. – "Вялікая хроніка" (яна мае 3 часткі): "Хроніка ўсяго свету" (пераклад хронікі М. Бельскага), "Хроніка славян" і "Хроніка Літоўская і Жамойтская" (пераклад хронікі М. Стрыйкоўскага)» [32, с. 53].

Содержание выписки позволяет оценить доступный читателям объем информации по истории средних веков. Информация дается по первому западнорусскому переводу.

Девятый век. Хронологическая линия выстроена по королям (императорам). Сообщается также о времени правления пап римских и отдельные детали их понтификатов. Приводятся исторические справки.

Карл Великий (801 г.): победил лангобардов, обратил саксов в христианство, изгнал сарацин из Иерусалима и Испании (*sic.*), подчинил венгров (*sic.*), прочитал книги Ветхого и Нового заветов, а также святого Августина. Людовик Благочестивый (816 г.): поставил своего сына Лотаря королем над Италией, был им арестован, посажен в тюрьму. Лотарь (841 г.): воевал с братьями, после чего Франция отделилась от Германии, Людовик (856 г.): победил сарацинов в Италии. Карл Лысый (876 г.): воевал с братом Людвигом Немецким, который и получил Римскую империю. Карл Толстый (881 г.): воевал с норманнами. Арнульф (891 г.): был королем Германии и Франции, победил норманнов. Тут же дается историческая справка о последних: Нормандия – это часть Франции, где живут выходцы из Дании, которые крестились и подчинились королю Франции. В разделе о папах римских под рубрикой 856 года приводится пространная история о папе Иоанне VIII (папессе Иоанне). Под рубрикой 891 года рассказывается о надругательстве над телом папы римского Формоза: извлекли из могилы, отсекали голову и два пальца, одели в рубище и бросили в Тибр.

В целом, информации (хотя и не всегда точной) дается достаточно много. Есть стремление поддержать интерес читателя занимательными историями в духе того сурового времени. Ключевые события столетия (провозглашение императором Карла Великого, Верденский раздел) отражены.

Десятый век. Людвиг III (903 г.): разгромлен, ослеплен и заточен Беренгарием из Фриуля. Набег венгров на Италию, Францию и Баварию. Борьба Беренгария и Гвидона, Беренгария II и Рудольфа Бургундского, Лотаря, сына Гуго и Оттона, короля Германии (912 г.). Генрих Саксонский (920 г.) разгромил венгров в Италии и Франции. Оттон Великий (938 г.) (sic.): шесть лет воевал с Лотарингией, разгромил венгров, изгнал из Италии Беренгария. Оттон II (974 г.) подавил восстание Генриха Баварского, подписал вечный мир с Францией. Оттон III (984 г.): установил порядок выборов императора семью курфюрстами (sic.), был на поклонении гробу св. Войтеха в Гнезно. Из информации о папах римских привлекает внимание рассказ о папе Сильвестре (названного чернокнижником). Основные события (внутренняя борьба в Италии и вмешательство Оттона Великого) отражены, но в хронологии допущены ошибки.

Одиннадцатый век. Генрих II (1003 г.): первый, избранный курфюрстами (sic.), изгнал из Италии сарацин, крестил венгров, создал епископство Баварское. Конрад (1025 г.): подчинил Швабию, Ломбардию, Венецию, присоединил к империи Арелат. Установлены выборы папы римского кардиналами (sic.). Генрих III (1040 г.): воевал со своим сыном, потерпел поражение. Рассказ о супруге венецианского дожа (1060 г.). Очерк крестоносного движения (1099–1189 гг.). Генрих IV (1057 г.): совершил поход против Италии, где сжег костел, сражался с коронованным папой римским императором Рудольфом Швабским, был разбит королем польским Болесловом в 1170 г. Как можно видеть, предложен отдельный очерк по истории крестовых походов. Борьба за инвеституру изложена крайне путанно, причина противостояния папы римского и Генриха IV не обозначена.

Двенадцатый век. Созданы Португальское и Сицилийское королевства (1101 г.). Лотарь Саксонский (1127 г.): воевал с Конрадом. Конрад Швабский и Баварский (год не указан): пошел с королем Франции Людовиком на Иерусалим. Фридрих Барбаросса (1152 г.): воевал против Италии, изгнал папу римского Александра, поставив на его место Октавиана, вместе с чехами захватил Милан, после того, как город отстроил разрушенные укрепления, снова пошел на него, в 1189 году пошел на Иерусалим, во время похода утонул в реке. Генрих VI (1190 г.): женился на дочери короля Сицилии Вильгельма, разгромил князя Апулии (sic.) Танкреда, умер во время подготовки похода на Иерусалим. Филипп (1198): был опекуном при сыне Генриха VI

Фридрихе, вел борьбу против Оттона Брауншвейгского, которого поддержали папа римский и Англия, был убит Оттоном Виттельсбахским. Основные события столетия указаны. Много места (вполне обоснованно) уделено Фридриху Барбароссе.

Тринадцатый век. Оттон IV Брауншвейгский (1209 г.): воевал против Франции и папы римского Иннокентия III, потребовавшего передать корону Фридриху, сыну Генриха VI. Фридрих II (1213 г.): знал греческий, латинский, немецкий, итальянский, арабский языки, перевел науку звездную с арабского на латынь, женился на дочери короля Иерусалима. Конрад IV (1250 г.): воевал против ландграфа Генриха, поддержанного папой римским, бежал в Неаполитанское королевство, последний король Швабского дома. Вильгельм Голландский (1254 г.): боролся с папой римским, погиб во Фризии. Неаполитанское королевство папа римский передал Карлу Французскому (Анжуйскому). Рудольф Габсбург (1273 г.): разгромил и убил короля Чехии Отокара, короновал чешским королем его сына Вацлава и выдал за него свою дочь. Адольф Нассауский (1292 г.): смещен курфюрстами, поставившими Войтеха, сына Рудольфа. Войтех (1298 г.): заключил мир с Францией и женился на дочери французского короля, убит племянником. Основные события столетия обозначены.

Четырнадцатый век. Перенесение папского престола из Рима в Авиньон (1303 г.). Генрих VII (1309 г.): сына Яна поставил королем Чехии, совершил поход в Италию, где осадил Флоренцию, во время осады был отравлен монахом-доминиканцем. Людвиг Баварский (1314 г.): воевал с Фридрихом, избранным королем его противниками, был разгромлен чешским королем Карлом, коронованным папой римским. Карл IV (1350 г.): нанес визит в Италию, где был коронован, основал университет в Праге. Перенесение папского престола из Авиньона в Рим (1376 г.). Вацлав (1378 г.): был смещен курфюрстами в пользу Рупрехта Рейнского. Основные события обозначены. В то же время отсутствует какое-либо упоминание про войну Англии и Франции (Столетнюю войну).

Пятнадцатый век. Рупрехт (1400 г.): воевал на стороне Флоренции против Милана. Сигизмунд (1410 г.): был одновременно королем Венгрии, королем Чехии, маркграфом Брандербургским, провел Констанцкий собор. Альбрехт (1438 г.): был одновременно королем венгерским и чешским, воевал против турков. Фридрих III (1440 г.): был изгнан из Вены венгерским королем Матьяшем. Папа римский Каликст

III (1455 г.): организовал поход на турков. Король Португалии Эммануэль (1492 г.): послал двух человек, одного на восток, второго на запад, которые открыли новые земли. Основные события обозначены. Информация об открытии новых земель выглядит не совсем корректной. Если имеется в виду экспедиция Колумба в 1492 году, то Мануэль I Счастливый получил корону Португалии тремя годами позже. Информация о том, что один человек послан на восток, а второй на запад, может указывать на экспедиции Васко да Гама (обогнул Африку) и Педру Кабрала (открыл Бразилию).

Таким образом, первый перевод фрагмента может быть охарактеризован следующим образом: 1. жестко связан с историей империи и папства, события в других регионах Западной Европы упоминаются крайне редко; 2. есть интерес к истории крестоносного движения; 3. рассчитан на широкую читательскую аудиторию (вставки занимательного характера).

Выписка второй половины XVII в. В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится «Летопись Панцырного и Аверки» (Q.IV.105). Рукопись в четверку, 39 листов, бумага, переплет картонный, корешок кожаный, текст на польском языке. На обороте л. 39 запись той же рукой, которой писана вся рукопись: «rok 1775», затем еще раз: «1775», и потом два раза: «1776». В нижней части л. 39 запись: «В сей книге тридцать девять листов. Библиотекаръ И. Бычков». Рукопись состоит из трех текстов: 1. Михаила Панцырного, 2. Гавриила Куриловича Аверко, 3. Стефана Гавриловича [33]. На русском языке издана в составе сборника «Витебская старина» [34, с. 455–475].

Начало рукописи: «Dziele miasta Witebska, ktore sie działy na swiecie dawnych czasow. Wypisane tu z xiengi pisaney renku i [ego] m [ości] pana Michała Pancernego, mieszczanina witebskiego słowo w słowo przez Stefana Hawriłowicza Awierke, mieszczanina wittebskiego w roku 1768, miesionca iuli, 13 dnia. Zaczynaion sie tak pisane w xiendze Pancernego» указывает на: 1. формат (выписки, собранные в отдельную книгу), 2. автора (Михаил Панцирный), 3. дату переписывания Стефаном Аверкой (13 июля 1768 г.). Текст переписанной рукописи Михаила Панцирного доходит до 1709 г. На л. 22 об. записано: «Te całe dzieie przepisane przeze mnie, Stefana Hawriłowicza Awierke, mieszczanina witebskiego, słowo w słowo z xiengi i[ego] m[ości] pana Michała Pancernego, mieszczanina witebskiego w Witebsku roku pańskiego 1760, miesionca ianuari. Przepisano z xiengi iego

renko, pisaney potym, teraz znow w roku 1768 miesionca iuli dnia 13, ia Stefan Awierko, wypisałem te ksienge». Оказывается, что конспект переписывался дважды, в январе 1760 г. и 13 июля 1768 г.

Издатель «Летописи Панцырного и Аверки» в составе ПСРЛ Н. Улащик во ввводной статье отмечал: «На первых пяти листах рукописи находятся отрывочные и случайные записи о событиях от X до XVII в., происходивших в Киевской Руси, Великом княжестве Литовском, Московском государстве, Польше, Венгрии и т. д. С л. 5 об. и до л. 22 записи касаются почти исключительно Витебска и его окрестностей за время с 1562 по 1708 г. В особенности много внимания уделено обстановке в начале XVIII в. (в связи с Северной войной). Это самая ценная часть не только записей Панцырного, но и всей летописи вообще» [29, с. 12]. Для работы интерес представляют именно эти «отрывочные и случайные записи о событиях от X до XVII в.», которые были исключены издателем из исследовательского поля.

Выписки Михаила Панцырного, касающиеся западноевропейского средневековья, предваряются подзаголовком: *Z inszych kronik przepisano.*

«...Roku 1199. Ieruzalem odebrany y dobyty od xionżencia Godtrida katolika, ktory odebrawszy od turka był krolem ieruzolimskim. A przed tym saraceniowie trzymali miasto Ieruzalem przez latt 500.

Roku 1189. Turcy znowu odieli Ieruzalem od katolikow.

Roku 1213. Za Frideryka Barbarossy, cesarza rzymskiego, zakon swientego Dominika y swientego Franciszka sie zaczoł, a od papieža Honoriusza iest potwierdzony.

Roku 1211. Była kometa wielka na niebie. Trwaiono dni osimnaście, maionc ogon roztozony na zachod słońca. Znaczyła tatar pierwsze weyście do Polski i Rusi, ktorych przed to kometo nie bywało...

Roku 1307. Stolec papieski przeniesiony iest z Rzymu do Awenionu, miasta francuzkiego, przez papieža Klimunta Piontego.

Roku 1376. Stolec papieski znowu iest nazad z Aweniona, miasta francuzkiego, przeniesiony do Rzymu przez papieža Grzegorza Iedynastego...

Roku 1452. Miesionca septembra turek Konstantynopol od cesarza greckiego odebrał...

Roku 1495. Emanuel, krol portugalski, posłał do Indyi dwuch biegłych w gwiazdarskiey nauce morzem na wschod słońca, Krysztofa Kolumbusa. Pierwszy raz prze to za ych rozumem w podziemne kraie droga sie nalazła...

Roku 1523. Marcin Luter wzniecił nowo wiare, uciekszy do xionżencia saskiego Iana kurferszta».

Предварительно данные фрагменты можно интерпретировать как выписки по средневековой истории, выдержанные в стиле выписок из Хроники Мартина Бельского.

Первые четыре записи интересны с формальной точки зрения: даты в них перепутаны местами. Сначала идет 1199 год, за ним следует 1189 год, далее идет 1213 год и 1211 год. Т. е. оформлены пары: 1199–1189 и 1213–1211, причем первая пара связана тематически, вторая – нет. Первая пара, 1199–1189, основана на некорректной дате, Иерусалим был взят не в 1189, а в 1187 году, и не турками, а египетским султаном Саладином. Взятие Иерусалима привело к Третьему крестовому походу (1189–1192 гг.), что объясняет появление даты 1189 г. Столь же некорректной является дата взятия Иерусалима в 1199 году. В этом году Иерусалим был под властью мусульман. В Европе крестоносцы только собирались в поход. Готфрид Бульонский, будущий король иерусалимский, взял город в 1099 году. Таким образом здесь, скорее всего, имеет место обычная ошибка при переписывании: вместо 1199 года в источнике был 1099 год. Наличие ошибки показывает, что на самом деле перестановки дат нет: должно быть 1099 (взятие Иерусалима) и 1189 (начало Третьего крестового похода).

Во второй паре, 1213–1211, присутствует комета, которая подтверждается другими источниками. Первая дата некорректна, первые общины ордена доминиканцев образовались в 1214 году. Устав ордена папа римский Гонорий III утвердил в 1216 году. А вот устав ордена францисканцев папа римский Гонорий III утвердил в 1223 году. Т. е. и тут может быть ошибка при переписывании: вместо 1223 года поставлен год 1213. Но эта ошибка никак не объясняет перестановку дат.

В Хронике Мартина Бельского приведенная выше информация отсутствует в том виде, в котором она зафиксирована Панцырным. Впрочем, есть краткий очерк о Первом крестовом походе.

Не меньший интерес вызывает запись под годом 1495, повествующая о путешествии Христофора Колумба. Подобная запись в Хронике Мартина Бельского есть, значит есть основание для сравнения. Совпадения между записями укажут на Хронику Мартина Бельского, как на один из источников для выписок Михаила Панцырного.

«Roku 1495. Emanuel, krol portugalski, posłał do Indyi dwuch biegłych w gwiazdarskiej nauce morzem na wschod słońca, Krysztofa Kolumbusa. Pierwszy raz prze to za ych rozumem w podziemne kraie droga sie nalazła...» (Панцырный).

«Látá od národzenia Bozego 1492. Tego czásu Emanuel, krol portugalski, posłał dwu zaczyh a bieglých ludzi w nauce gwiazdarskiey na wielkie morze kthore zowa Oceanus iednego na wschod a drugiego na zachod słońca...» (Бельский).

Сразу можно сделать очевидный вывод: Хроника Мартина Бельского прямым источником для выписок Михаила Панцырного не была. Использованы различные формулы при оформлении рубрик: «Roku 1495» и «Látá od národzenia Bozego 1492», не совпадают годы, Бельский не называет имени Христофора Колумба, Панцырный называет, Бельский говорит о том, что один человек был послан на восток, второй на запад, Панцырный говорит, что оба были посланы на восток. Однако есть два совпадения: 1. событие связано с португальским королем Эммануилом, 2. главными героями являются два человека, искусные в звездной науке («dwuch bieglých w gwiazdarskiey nauce» и «dwi zaczyh a bieglých ludzi w nauce gwiazdarskiey»).

Еще две даты из выписок Панцырного могут быть соотнесены с Хроникой Мартина Бельского: 1307 и 1376.

Панцырный:

«Roku 1307. Stolec papieski przeniesiony iest z Rzymu do Awenionu, miasta francuzkiego, przez papieża Klimunta Piontego».

«Roku 1376. Stolec papieski znowu iest nazad z Aweniona, miasta francuzkiego, przeniesiony do Rzymu przez papieża Grzegorza Iedynastego».

Хроника Мартина Бельского:

«Látá od národzenia Pańskiego 1303. Przeniesienie stolcá Papieskiego z Rzymá do Fráncyey miástá Awinium».

«Látá od národzenia Pańskiego 1376. Przeniesienie stolcá Papieskiego s Fráncyey do Rzymá».

В первом случае не совпадают дата и формулировка. Во втором случае дата совпадает, формулировка – нет. Т. е. Михал Панцырный не пользовался Хроникой Мартина Бельского при составлении своего конспекта.

Откуда же в таком случае была взята информация? На польский язык в начале XVII в. Петр Скарга перевел первые десять книг церковно-исторического сочинения Цезаря Барония и издал его в 1603 г.: «Roczne dzieie kościelne od Narodzenia Pana u Boga naszego Jesusa Christusa». Перевод при этом доходил до 1000 года, а все сочинение Барония до 1198 г. Как его продолжение в 1695 г. была издана книга иезуита Яна Квяткевича «Roczne Dzieie Koscielne Od Roku Pańskiego 1198. Aż do lat

naszych» [35]. Сравнение, однако, показало, что Михал Панцырный ею не пользовался.

Отсюда неминуемо следует предположение о том, что в Великом Княжестве Литовском помимо Хроники Мартина Бельского, перевода на польский Цезаря Барония и его продолжения Яном Квяткевичем была еще одна хроника (или летопись), содержащая информацию по средневековой истории Европы.

Выписки второй половины XVIII в. Завершающая часть записей Панцырного открывается замечанием: «А далее следуют события, извлеченные из разных прочитанных книг Степаном Гавриловичем Аверкою, какие события, как напечатаны в какой книге, так здесь и записаны в 1768 году». Записи по средневековой Европе:

«Prymacyalno zas prerogatywe ieszcze Mikołay Tronba, arcybiskup gnieźniński, na Konstancyeńskim koncylium prokurował, aby miał prawo do koronacyi krolewskiej y z nastenpcami swemi. Pisce Miechowita y Kromer. Roku 1416.

Za Pudyka, xionżencia polskiego tatarowie dziewiońc worew uszow narżynali polakom, po iednemu tylko urżynaionc na woynie pod Kignico na Szlonsku na mieyscu Bonus kompus albo Dobre Pole zwanym. Długosz zas pisze, że tylko 6 worow temi uszami napakowano. Roku 1240.

Innocenty papież IV legata swego Iakuba, archydiakona leodyiskiego, dziewionciondzielny post wielki relaxował polakow w sześćniedzielny y dni cztery każone obserwować, w roku 1150.

Małgorzata, zona hrabij Wieszczbowskiego, w Krakowie iednym razem trzydestu sześć synow powiła. Pisko pisarze y dzieiopisowie Kromer, Długosz, Bielski. Testantur dnia 21 stycznia, roku 1269. Kometa wyprognostykowała głod w Polsce tak cienżki, że matki dzieciom nie przepuszczali, a wilcy głodni ludziom. Bielski, lib. 2. Długosz, lib. 3. Roku 1314.

W wiliu zielonych swiontek śnieg wielki spadł, sześć dni leżoncy, ktory iuż nad nadzieie wielko obfitość przyniosł urodzaiow. Miechowita, Długosz, Bielski. Roku 1353.

Władysław, xionże opolski, cudowny obraz Nayswientszey panny, dzieło renk Swientego Łukasza, z zamku Bezzskiego do Opolą prowadzone na Iasney gorze, iako wryty, ruszyć nie mogonc Tam założył klasztor oycow paulinow, sprowadziwszy ich z Wengier. Długosz, lib. 10. Roku 1381. Woiewoda lubelski, postanowiony woiewoda sendomirski, funkcyi tak wielkiego woiewodstwa do onych czasow wystarctyc nie mogli. Pisce Herbut.

Roku pańskiego 1474.

W Krakowie na ulicy Swientego Ducha białogłowa porodziła dziecko nieżywe na ktorego grzbiecie wonż zywy trzymał sie, konsaionc y pozeraionc ciało. Teste Geste, Kromer. Roku 1499».

Выводы. На землях ВКЛ интерес к западноевропейскому средневековью оформился в виде тематических выписок. Составление выписок, в свою очередь подразумевает определенную аналитическую работу с информацией: поиск, отбор, фиксация. Выписки могли содержать значительную часть исходного источника (перевод фрагмента из Хроники Мартина Бельского) или иметь фрагментарный характер (Летопись Панцырного и Аверки).

В XVI в. фиксация производилась на западнорусском (старобелорусском) языке, в XVII–XVIII – на польском, что отражало языковую ситуацию на белорусских землях.

Интерес к средневековой истории получает информационное наполнение: прочитаны сочинения основных польских историков XV–XVI вв.: Длугоша, Меховского, Кромера, Бельского), по-прежнему интересуют занимательные (для того времени) факты: рождение тридцати шести сыновей, комета, шестидневный снежный покров перед праздником Троицы, мертвый младенец с ужом на спине.

История средних веков в учебных заведениях XVII–XIX вв. на белорусских землях

Иезуитские коллегии. Формирование медиевистики связано с наличием целого ряда условий (предпосылок):

1. временные; медиевистика может начать формироваться только в период, внешний по отношению к средним векам (раннее Новое время);
2. концептуальные; медиевистика должна увидеть объект и предмет своего изучения (всеобщую историю и историю средних веков);
3. мотивационные; потенциальный медиевист должен не только жить в соответствующий период и знать о существовании такого предмета для изучения, как история средних веков, но и быть заинтересован в приложении определенных усилий для этого, хотя бы на уровне проявления простого интереса к получению новой информации;
4. квалификационные; для получения новой информации необходимо как минимум умение читать и писать; для достижения же определенного уровня компетентности нужно иметь навыки к систематическому интеллектуальному труду, т. е. обучению.

Такого рода навыки на белорусских землях Великого Княжества Литовского молодежь получала в учебных заведениях, наиболее заметными среди которых были иезуитские коллегии.

Иезуитские коллегии в свою очередь отличались не только высоким уровнем обучения и доступностью его в том числе для простых людей, но и высокой степенью стандартизации. В коллегиях Литовской провинции использовалась та же учебная литература, что и в прочих провинциях.

Коллегии состояли из младшего (*studia inferiora*) и старшего (*studia superiora*) отделений. Младшее отделение состояло из грамматического и гуманитарного риторического классов, что соответствовало древнеримскому делению на грамматиков и риторов. В соответствии с античной традицией в младшем отделении коллегии изучались семь свободных искусств: тривий – грамматика, риторика, диалектика (класс грамматиков); квадрий – арифметика, геометрия, астрономия, музыка (класс риторов).

В качестве дополнительного предмета в классе риторов была введена история, включавшая в себя элементы географических знаний. Преподавание истории велось по книге Орацио Торселлино (1545–1599) «Сокращение истории от создания мира до 1598 г.» в десяти книгах [36].

Изложение свое Орацио начинает от Адама и доводит в первой книге до Ромула и Рема. Книги от второй до пятой охватывают историю Римской империи от основания Рима в 3225 год от создания мира до Одоакра, короля герулов, пришедшего из Паннонии и свергнувшего последнего императора Августа [36, р. 277]. Шестая книга начинает изложение от начала правления императора Восточной Римской империи (Византии) Зенона в 475 г. [36, р. 278] и продолжает линию византийских императоров до Ирины и Константина, т. е. до 781 г. Таким образом, книги от второй до шестой охватывают историю Древнего Рима, переходящую в историю Византии. При этом граница перехода не указана.

Послевизантийскую историю открывает седьмая книга и получение императорской власти Карлом Великим в 800 г. [36, р. 339]. Продолжается она до Рудольфа II.

Как можно видеть, в данном случае средневековая история охватывает IX–XVI вв., что совпадает с парадигмой, предложенной Мартиным Бельским. События вне империи (в том числе и Столетняя война) в поле зрения автора не попадают. В целом следует признать, что сокращенная история Орацио Торселлино намного менее информативна, чем упоминавшаяся выше продолжение Барония, изданное Яном Квяткевичем, преподававшим недолгое время в Брестской иезуитской коллегии, т. е. на землях Великого Княжества Литовского.

Школы эдукационной комиссии. Упразднение папой римским Климентом XIV в 1773 г. ордена иезуитов привело к реформе системы образования, которая находилась под контролем ордена. Необходимые мероприятия были предусмотрены распоряжениями эдукационной комиссии.

Окружные школы состояли из 6 классов с курсом обучения в 7 лет (для 5-го класса курс обучения составлял 2 года). В них, кроме ректора, префекта и проповедника, должно быть не менее 6 учителей; кроме того, приглашались сторонние преподаватели французского и немецкого языков.

В первом (низшем) классе все предметы (латинская и польская грамматика, арифметика, наука о нравственности, общие начала географии и естественной истории) преподавал один учитель. Во втором классе те же предметы, но более подробно преподавал так же один учитель. В классах с третьего по шестой преподавали по очереди четыре учителя: красноречия, математики, физики и науки о нравственности.

Учитель науки о нравственности и праве преподавал свои предметы (в том числе и историю с географией) в течение пяти лет, с третьего по шестой классы (пятый класс был двухлетним), в следующем порядке: «należeć będzie dawać w trzeciej klassie część nauki moralney wyznaczoną. wypisy z autorów łacińskich do nieyże. Dzieie Assyryiskie i Perskie z geografją; wypisy łacińskie, stosujące się do teyże historyi. W czwartey klassie moralną naukę i wypisy do niey, iak wyżej. Dzieie Greckie z geografją, wypisy do nichże. W piątey klassie roku pierwszego, razem dla pierwszoletnich i drugoletnich, dzieie Rzymskie z geografją, wypisy do dziejów; oraz powtórzy moralną naukę z poprzedzających klass, co do istotnych iey prawideł, łącząc zawsze wypisy łacińskie. Roku drugiego takż dla pierwszoletnich i drugoletnich moralną naukę i prawo, wypisy do tychże. W szóstey klassie moralną i prawo, wypisy do tychże. Dzieie narodowe z geografją. A iako czytanie historyi powszechney w tey zwłaszcza klassie zostawione być ma domowey ucznióm zabawie, kierować tym czytaniem, sprawę z niego podczas lekcyi odbierać do tegoż nauczyciela należy» [37, s. 93].

Как можно видеть история (и география) Ассирии, Персии, Древней Греции, Древнего Рима и Польши изучались подробно. Всеобщая же история передавалась на самостоятельное изучение под контролем наставника.

Таким образом, изучение истории средних веков пребывало вместе с историей всеобщей на втором плане в светской исторической науке Великого Княжества Литовского. Главное место отводилось истории древней и национальной.

Белорусская учебная медиевистика в Российской империи. Виленский и Белорусский учебные округа. 24 января 1803 г. Именным указом императора Александра I в числе первых шести учебных округов был создан Виленский учебный округ, включивший в себя губернии Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Могилевскую, Минскую, Киевскую, Подольскую. Центром округа указ определил Главную Виленскую школу. В состав округа вошли школы эдукационной комиссии бывшего Великого Княжества Литовского, а также созданные в 1786 г. на белорусских землях Российской империей после первого раздела Речи Посполитой малые и главные народные училища.

18 мая 1803 году своим высочайшим указом император Александр I преобразовал Главную Виленскую школу в Императорский Виленский университет [38].

При этом:

- ректор состоял в чине 5-го класса, профессора, имеющие степень доктора, – в чине 8-го класса, студенты – в чине 14-го класса (п. 14)

- на содержание нового учебного заведения выделялось 105 тысяч рублей серебром (из доходов иезуитских имений) (п. 17).

- профессор, отслуживший 25 лет, получал право на пожизненный пенсион, равный жалованию (п. 19).

- за преподавание главного полного курса профессор получал 1000 рублей серебром, за каждый дополнительный курс – 500 рублей серебром (п. 22).

Состав Виленского учебного округа с течением времени менялся. В 1807 г. округ пополнился Белостокской областью. В 1818 г. Киевская губерния, а в 1831 г. Волынская и Подольская губернии перешли в состав Харьковского учебного округа. В 1826 г. Витебская и Могилевская губернии перешли в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В Виленском учебном округе остались только Виленская, Белостокская, Гродненская и Минская губернии.

Знаковое событие произошло в 1829 г.: Витебская и Могилевская губернии образовали **Белорусский** учебный округ. В 1831 г. в состав Белорусского учебного округа перешла Минская губерния.

Наконец, 1 мая 1832 г. был закрыт Императорский Виленский университет (в связи с участием студентов и преподавателей в польском восстании 1830 г.). Власти также расформировали Виленский учебный округ, передав Белостокскую область, Виленскую и Гродненскую губернии Белорусскому учебному округу.

Таким образом завершился первый период истории Виленского учебного округа. Его главными итогами были расформирование Императорского Виленского университета и создание Белорусского учебного округа.

В 1842 г. состав Белорусского учебного округа вновь изменился: пополнился Ковенской губернией, которая была выделена из Виленской, и утратил Белостокскую область, которая была включена в Гродненскую губернию.

2 мая 1850 г. Белорусский учебный округ был преобразован в Виленский учебный округ. При этом Витебская и Могилевская губернии перешли в состав Санкт-Петербургского учебного округа. Второй период истории Виленского учебного округа характеризуется его территориальным сокращением и отсутствием университета.

Третий период истории Виленского учебного округа открылся в 1864 г. возвращением в его состав Витебской и Могилевской губерний. Этот период по-прежнему характеризуется отсутствием университета и включением в его состав всех белорусских губерний (Минской, Гродненской, Витебской и Могилевской).

Преподавание истории средних веков в 1-й половине XIX в. В Российской империи преподавание истории средних веков в высших и средних учебных заведениях велось по вышедшему в 1825 году второму тому «Руководства к познанию всеобщей политической истории» [39] профессора Царскосельского лицея Ивана Кузьмича Кайданова (1782–1843). С учетом языковой ситуации в западных губерниях страны (широкое распространение польского языка) в 1845 году был опубликован его перевод на польский язык [40].

Вот как рассматривал академик И. К. Кайданов феодализм: «Сие феодальное правление – плод тогдашней феодальной политики и обычаев – образовалось и утвердилось на счет власти монархической. Вникнем в происхождение оного.

Разрушители Западной Римской Империи, народы мужественные, всегда стремившиеся к свободе и независимости, побуждались к походам и сражениям не столько волею своих начальников или предводителей, сколько самую страстию к войне и надеждою добычи. Посему, и в самой подчиненности, они почитали себя свободными и независимыми. Земли, завоеванные ими под предводительством военачальников их, почитали они общею собственностью. Государь, или военачальник, получал часть завоеванной земли, остаток же разделял между храбрыми своими сподвижниками. Следствия такового разделения вскоре оказались ощутительными в Европе: из сего возникло так называемое аллодиальное, ленное (поместное) или феодальное правление.

По духу и разуму сего правления, всяк, получивший в удел часть земли, должен был оружием защищать ее, и содержать народ в повиновении. Таковая система правления была в то время почти необходимою, когда один только меч мог усмирять бунтовщиков и содержать побежденных в повиновении. Притом, таковую систему правления можно назвать лучшим и вернейшим средством для отвращения внешней опасности; но она противна внутреннему устройству и благоденствию государств, и вредные следствия оной вскоре оказались в Европе.

Вельможи или вассалы, пользуясь слабостью своих государей, вышли из пределов подчиненности. Тогда открылось борение между монархической властью и аристократией. Вассалы силою и хитростью приобрели великие права и преимущества: они начали передавать своим сыновьям не только владения свои, но и должности; присвоили себе в своих владениях право верховного суда по всем делам; начали чеканить деньги со своим изображением, содержать свое войско и вести войну с сынами [с] государями своими. Народ, соделавшись жертвою страстей своих властелинов, повержен был в самое горестное состояние – честолюбие, зависть и мщение воспламенили наконец всеобщую войну между вассалами» [39, с. 81–82].

Система низшего и среднего образования в белорусских губерниях Российской империи. Наиболее значимые события в истории Виленского учебного округа второй половины XIX в. стало открытие низших учебных заведений для подготовки учителей народных школ и городских училищ.

Первой стала Витебская учительская семинария, открытая в 1834 г. и закрытая через пять лет из-за недостатка средств. Затем была создана Молодеченская учительская семинария (1864 г.), за которой последовали Полоцкая (1872 г.), Несвижская (1875 г.), Свислочская (1876 г.). В 1870 г. семинарии из двухклассных были преобразованы в трехклассные [41, с. 16]. Программа семинарий предусматривала изучение всеобщей истории (правда в сильно урезанном виде). Выпускники могли преподавать в начальных школах. Поступить в гимназию они не могли. Таким образом, путь к среднему и высшему образованию для них был закрыт.

Определенную известность в рамках церковно-исторических кругов Российской империи обрел директор (с 1885 по 1905 гг.) Полоцкой учительской семинарии Евграф Иванович Смирнов (1842–1916). Он является автором двухтомного учебника для III и IV классов духовных семинарий «Истории христианской церкви» (1872), удостоенного в 1873 г. полной Макарьевской премии. Седьмое издание учебника вышло в 1901 г. В данном учебнике Евграф Иванович достаточно подробно излагает материал по истории западноевропейского средневековья с церковно-исторической точки зрения. Однако, можно ли считать его белорусским медиевистом? Вряд ли. Евграф Иванович был из Тульской епархии. Поступил в Киевскую духовную академию. Оттуда перевелся в Санкт-Петербургскую духовную академию (на старший курс). Из академии выпущен в 1867 г.

кандидатом богословия [42, с. 41]. Книга была написана им до вступления в должность директора Полоцкой учительской семинарии.

Будучи директором Евграф Иванович Смирнов как историк себя никак не проявил. Если не считать изданный справочник «Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее существования (1872–1902 годы): историческая записка» [43]. Тут дается разнообразная информация о вверенном ему учебном заведении: помещение, источники содержания, личный состав преподавателей и учащихся, структура, библиотека, важнейшие события.

Следующим этапом в получении образования были учительские институты. Здесь готовились преподаватели для городских училищ. Сюда же могли поступать выпускники учительских семинарий. Программа предусматривала изучение всеобщей истории в большем, по сравнению с учительскими семинариями объеме, но не превышающим объема курса, преподаваемого в городских училищах.

В Виленском учебном округе по состоянию на 1900 г. таких институтов было два: Виленский еврейский (создан в 1873 г. на базе раввинского училища на средства еврейской общины, принимались только евреи, но преподавание велось на русском языке) и Виленский русский (открыт в 1875 г., принимались только православные).

На белорусских землях учительские институты открылись в Витебске (1910 г.), Могилеве (1913 г.), Минске (1914 г.) [44, с. 22]. В первом из них историю и географию преподавал Д. С. Леонардов, во втором – М. Г. Руднев [45, с. 223]. Выпускник Киевской духовной академии Д. С. Леонардов был известным историком, автором книги «Полоцкий князь Вячеслав и его время». В Минском учительском институте преподавал выпускник Юрьевского университета В. М. Игнатовский (после распада Российской империи – автор «Краткого очерка истории Белоруссии» и первый президент ИнБелКульты).

Дольше всех, как можно видеть работал Виленский учительский институт. Поэтому на его деятельности следует остановиться подробнее, тем более, что хорошее изложение его истории дает статья, посвященная его четвертьвековому юбилею [46].

В статье отмечается, что «за 25 лет аттестовано на звание учителя городских училищ 354 человека. 148 человек служат на педагогическом поприще Виленского учебного округа» [46, с. 45]. В 1900 г. было 55 воспитанников: дворян – 2, городских сословий – 11, сельских сословий – 42; из городских училищ – 5, учительских семинарий – 48, церковно-

учительских школ – 1, домашнего воспитания – 1 [46, с. 47–48]. «Таким образом, – подчеркивал автор статьи, – в настоящее время главный контингент воспитанников Института составляют бывшие народные учителя, окончившие курс в учительских семинариях. Это преобладание в числе институтских воспитанников народных учителей объясняется тем, что они стоят выше учеников городских училищ и по развитию, и по подготовке, а потому всегда успешнее чем ученики городских училищ, выдерживают конкурсные вступительные экзамены в Институт. Также точно и занятия их в Институте отличаются большою основательностью, сравнительно с окончившими курс в городских училищах» [46, с. 49].

Учителями истории и географии служили: Спасский Василий Петрович, канд. Моск. дух. академии, в дальнейшем – директор Виленского еврейского учительского института, и Добрянский Флавиан Николаевич, кандидат Московской духовной академии [46, с. 52].

До уровня среднего учебного заведения учительские институты были повышены в 1912 г. Выпускники их получили право поступать в университеты.

И в учительских семинариях, и в учительских институтах всеобщая история преподавалась в самых общих чертах.

К числу средних учебных заведений относились преобразованный в 1838 г. из 2-й Виленской мужской гимназии Виленский дворянский институт (закрит в 1863 г.) и гимназии.

Программа мужских гимназий 1877 г. предусматривала рассмотрение истории по двум курсам: 1) эпизодическому (3–4 классы) и 2) систематическому (5–8 классы). Также по двум курсам рассматривалась и история средних веков: сначала в 4 классе, затем в первом полугодии 6 класса. Т. е. ученики гимназий получали определенный объем информации о средневековье.

«1) Вопросу о водворении германцев на землях Западной Римской империи следует предпослать общий и краткий взгляд на состояние Римской империи во второй половине IV века, причем, следует остановить внимание на противоположности между западными провинциями империи, где господствовала римская образованность вместе с латинским языком, и восточными областями, где преобладающее значение имела греческая образованность и язык, служивший ее органом. Здесь объясняется, что правительственное разделение империи на две половины (при Валентиниане I и Валенте) в

сущности соответствовало этому внутреннему разделению. Следует указать на обстоятельства, облегчившие германцам завоевание римских земель: а) на политическое расстройство и нравственный упадок империи и б) на предшествовавшую мирную, но по своим размерам весьма обширную колонизацию германского племени в пределах империи.

2) При изложении событий великого переселения народов следует отмечать факты, в которых представители церкви являются защитниками и руководителями местного покоренного населения, и вообще иметь в виду значение церкви, как хранительницы римских преданий и древнего образования, своей нравственной силой сдерживавшей разрушительные стремления варваров.

3) Вопрос о возвышении папства рассматривается в связи с историей Римской империи (Византии) при иконоборческих императорах, причем указывается на обстоятельства, вызвавшие разрыв старого Рима с Византией и сближение римского епископства с франкскими майордомами, а затем объясняется, как союз Каролингского дома с папским престолом, скрепленный деятельностью Бонифация, повел, с одной стороны, к возвышению Каролингов на степень королей, потом императоров, а с другой – к основанию духовного преобладания пап на Западе и светской их власти в Италии.

4) При рассказе о Карле Великом следует обратить внимание на то, что нормы, им введенные, имели не только политический характер, но и религиозный, распространяли не только границы Франкской монархии, но и область духовного господства римской церкви (продолжение дела Бонифация), а также на то, что, благодаря завоеваниям Карла, достигнуто было объединение германских и романских народов, грозное и опасное для разъединенного греко-славянского мира (первые столкновения с западными Славянами). Коронование Карла императором рассматривается: а) по отношению к западному романо-германскому миру, как выражение его единства, и б) по отношению к Византии, как похищение чужих прав, выразившееся в стремлении лишить новый Рим его законного наследства.

5) При изложении отделов византийской истории следует, между прочим, указывать на то, что она была: а) хранительницей церковных преданий и древней образованности, в) оплотом Европы против нападения азиатских народов и с) просветительницей славянских племен.

б) История славян не должна быть помещаема на заднем плане и вне всякой связи с ходом всемирной истории; напротив, следует постоянно обращать внимание на отношения славян: а) к германскому племени, давление которого они испытывали с самого начала своей исторической жизни, и б) к Восточной империи, с которой они находились в религиозной и политической связи, другими словами: история западных славян излагается рядом с историей Западной Римско-Германской империи, с которой они находились в постоянной борьбе, а история восточных славян в связи с историей Восточной или Византийской империи.

7) На историческое происхождение феодализма кратко указывается при распадении монархии Карла Великого; а объяснение феодального строя относится к эпохе его полного развития и соединяется с обще-характеристикою основных явлений средневековой жизни. В отделе, посвященном этой характеристике, излагается средневековая теория о двух мечях, т. е., об отношении папской власти к императорской, и затем папство рассматривается как политическая сила, опирающаяся на единство власти и на большие моральные и материальные средства. – Феодальный строй рассматривается 1) со стороны его иерархической лестницы: а) король, в) герцоги, графы и маркизы (прежние государственные власти, сделавшиеся наследственными) и с) бароны и ленники; 2) со стороны взаимных отношений между сюзереном и вассалом или ленником, и 3) со стороны отношений к низам, т. е. земледельческим классам» [47, с. 88–90].

Более полно оценить объем получаемой по истории средних веков информации можно, исходя из учебников. Следует признать, что таких учебников в Российской империи было достаточно много. Вот лишь некоторые из них: Беллярминов И. Руководство к средней истории. Применительно к примерной программе МНП (для мужских и женских гимназий). Изд. 2, доп. СПб., 1880. – 187 с.; Беллярминов И. Курс средней истории, примененный к пример. прогр., утвержденной МНП 20 июля 1890. Изд. 7, испр. СПб., 1898. – 220 с.; Гуревич Я. Г. Обзор главных явлений средней истории по векам. Учебное пособие для старших классов среднеучебных заведений. СПб., 1885. – 175 с.; Добрынин К. И. История средних веков. Курс 4 класса мужских гимназий и реальных училищ. М., 1912. – 280 с.; Знойко Н. Систематический курс истории средних веков. Курс 5 класса мужских и женских гимназий. Составлено применительно к последним учебным

планам. Одесса, 1900. – 268 с.; Иванов К.А. История средних веков (Курс систематический). Применительно к последней примерной программе, утвержденной МНП. СПб., 1892. – 217 с.; Иловайский Д. И. Средняя история. Курс старшего возраста. Изд. 4. М., 1871. – 232 с.; Изд. 23, пересм. М., 1902. – 224 с.; Рождественский С. Е. История средних веков (Курс средних учебных заведений мужских и женских). Применительно к последней примерной программе 6 класса гимназий. Изд. 3. СПб., 1880. – 210 с.; Функе Ю. Учебник всеобщей истории (со включением отечественной). Средние века. Курс средних учебных заведений. Киев, 1884. – 408 с.; Шульгин В. Я. Курс всеобщей истории для воспитанниц благородных институтов и воспитанников гимназий. История средних веков. Киев, 1858. – 211 с.

Хронологический справочник М. Я. Острогорского. Часть указанных учебников безусловно использовалась для преподавания в гимназиях и иных средних учебных заведениях Виленского учебного округа. Но они не имеют прямого отношения к теме работы, поскольку не связаны с авторами, чья деятельность может быть отнесена к белорусской средневековой истории.

Тем не менее, автор учебного пособия по истории средних веков (т. е. представитель учебной средневековой истории), который был связан с белорусскими землями, есть. Это – Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1921), известный современному читателю как основоположник социологии политических партий.

М. Я. Острогорский родился 19 февраля (3 марта) 1854 г. в д. Семятичи Бельского уезда Гродненской губернии в семье учителя. Умер 10 февраля 1921 г. в Петрограде. В виду отсутствия в Виленском учебном округе университета высшее образование получил на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета (1875 г.). Продолжил образование в парижской Свободной школе политических наук, где написал диссертацию «О происхождении всеобщего избирательного права» (1885 г.). После чего поступил на службу в Министерство юстиции.

Белорусским автором его делает не только рождение на белорусской земле, но и то, что его дальнейшая политическая деятельность оказалась связанной с его «малой родиной». В 1906 г. М. Я. Острогорский был избран членом I Государственной думы от Гродненской губернии. При этом он активно участвовал в составлении наказа Государственной думе от Гродненской губернии. На пленарном

заседании выступил с речью о «белостокском погроме» (1–3 июня 1906 г.). Как историк М. Я. Острогорский проявил себя в качестве автора ряда учебных изданий: «История России с картинками и вопросами для повторения для народных училищ» (СПб., 1875), «Учебник русской истории для III класса гимназий» (СПб., 1891). 28-е издание учебника вышло под названием «Учебник русской истории: элементарный курс» (Пг., 1916).

Как представитель учебной медиевистики реализовал себя в качестве автора справочника «Хронология всеобщей и русской истории» (СПб., 1873), выдержавшего несколько изданий. Четвертое значительно расширенное и переработанное издание вышло в 1878 г. под названием «Краткая хронология всеобщей и русской истории. Для III и IV классов гимназий и прогимназий и для низших учебных заведений» [48], и после этого неоднократно переиздавалось. Издание позволяет оценить объем информации по истории средних веков, предлагавшийся ученикам младших классов гимназий, прогимназий, городских училищ, учительских институтов.

Эпизодический курс всеобщей истории, предусмотренный программой Министерства народного просвещения, определял следующий объем информации по истории средневековой Европы.

3-й класс (2 урока в неделю) [47, с. 100]:

476. Падение западной Римской империи. Новые народы. Германцы. Перечисление государств, основанных германцами.

Время совершения поименованных событий определяется столетиями. Христианство между германцами. Крещение франков. Григорий I и Августин. Самоотвержение и мученическая смерть Бонифация.

527–565. Юстиниан Великий.

726. Начало преследования иконопочитания.

768–814. Карл Великий

800. Коронование Карла Великого. Усиление германцев и ослабление Византии. Папа Григорий II. Основание папской области (754). Принятие Карлом Великим титула императора. Сношения Карла с Византийской империей.

1054. Разделение церквей.

4-й класс (2 урока в неделю) [47, с. 101]:

1096–1279. Время Крестовых походов. Григорий VI и Генрих IV. Первый крестовый поход. Рыцарские ордена.

1453. Падение Константинополя.

М. Острогорский был поставлен в жесткие рамки официальной программой и дозволенным объемом запланированной брошюры, четырнадцать страниц. Значит поставленной цели (придания законченности предусмотренным программой эпизодам) нужно было добиваться за счет минимального расширения содержания.

С самого начала автор формализовал отобранную им информацию: оформил ее в виде таблицы с крайне левым столбцом «Столетия», на что ориентировала программа. Был добавлен еще один столбец, с правого края, «Замечательные люди». Этот методический ход был закреплен в самом конце брошюры, в серии списков, перекрывающих историю от древности до нового времени: «Замечательные войны», «Замечательные мирные договора», «Замечательные сражения», «Замечательные завоевания и приобретения», «Замечательные открытия и изобретения» [48, с. 13]. Средние века в этой подборке показаны довольно мирным (упомянуты только крестовые походы) и просвещенным периодом: открытия (Америки и торгового пути в Индию) и изобретения (книгопечатание, почта, карманные часы) XV в.

Основная хронологическая таблица для 3-го класса дополнена списком германских королевств (вестготское, англосаксов, франкское, остготское); добавлены дата крещения Хлодвига, информация о Пипине Коротком, как основателе династии Каролингов, информация о распаде империи Карла Великого; в рубрику «замечательные люди» внесены Хлодвиг, Григорий I Великий, Августин Британский, Бонифаций, Роланд, Витекинд (Видукинд).

Основная хронологическая таблица для 4-го класса дополняет рубрику «Время крестовых походов» датами Первого крестового похода (1096) и основания Иерусалимского королевства (1099); в строке XII в. обозначены ордена иоаннитов и тамплиеров, в строке XIII в. – завоевание Византии и создание Латинской империи. Информация программы по XV в. ограничивалась датой взятия Константинополя. Здесь же автор добавил даты смерти Яна Гуса (1415), изобретения книгопечатания Гуттенбергом (1440), открытия Америки (1492), отдельно выделен «век возрождения наук и искусств»; в рубрику «Замечательные люди» внесены Иоанн Гус, Гуттенберг, Медичи, Христофор Колумб.

Выводы. Особенность белорусской учебной медиэвистики XIX в. состояла в отсутствии доступа к высшему образованию в рамках

белорусских губерний Российской империи. Императорский Виленский университет, созданный в 1803 г., был упразднен в 1832 г. Ближайшим и непосредственным следствием данной особенности было вымывание способной энергичной мотивированной научной молодежи. У них не было перспектив получения высшего образования) на белорусских землях. В результате они направлялись на учебу в Императорский университеты в близлежащие Санкт-Петербург, Юрьев, Варшаву, Киев.

Именно такой пример дает биография Всеволода Макаровича Игнатовского, родившегося в деревне Токари Каменецкого уезда Гродненской губернии: учился сначала в Виленской гимназии, затем в Могилевской семинарии, в 1902 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, закончил получение высшего образования в Юрьевском императорском университете в 1908 г., с 1911 г. работал в частной гимназии в Вильне, в 1914 г. поступил преподавателем во вновь открытый Минский учительский институт.

Следствием производным была невозможность выстраивания научной карьеры в высшем учебном заведении на белорусских землях, и, соответственно, невозможности создания устойчивой научной школы или направления. В результате обращение к изучению истории средних веков происходило вне академических (университетских) рамок.

Эти условия предоставляли структуры Виленского учебного округа, не связанные с высшим образованием. В этом случае можно говорить об учебной медиевистике, ярким представителем которой был Александр Зданович.

Белорусская медиевистика XIX в.: Александр Зданович и Викентий Игнатович

Помимо гимназий, в 1838–1863 гг. в Белорусском (после преобразования 1850 г. – Виленском) учебном округе было еще одно среднее учебное заведение, в котором преподавался курс всеобщей (в том числе средневековой) истории: Виленский дворянский институт.

В этом институте работал **Александр Зданович** (1808–1868) известный в белорусской истории как отец Игната Здановича (1841–1864), одного из руководителей восстания 1863 г., публично повешенного в Вильне в январе (по новому стилю) 1864 г. Торжественное перезахоронение обнаруженных в 2017 г. останков казненных повстанцев произошло в Вильнюсе 22 ноября 2019 г.

По информации польской энциклопедии XIX в. Александр Зданович родился в Игуменском уезде Минской губернии в бедной шляхетской семье. Первоначальное образование получил в базилианской школе в селе Лядах (близ Игумена). Работал домашним учителем. В 1827 г. поступил на словесное отделение Виленского университета, который окончил в 1831 г. со степенью кандидата. В 1834 г. был назначен преподавателем дворянского института в Вильне. Проработал там вплоть до его закрытия института в 1863 г. Первые 15 лет преподавал латинский язык, последующие 14 лет – всеобщую историю. Преподавал историю России в виленской семинарии. Давал частные уроки (на польском языке). Преподавал в женских пансионах (на французском языке). После польского восстания 1863 г. и закрытия Виленского дворянского института ушел в отставку. Умер в Вильне в 1868 г. [49, s. 423–425].

Как представитель учебной медиевистики известен упоминавшимся выше переводом трехтомника И. К. Кайданова «Historyja powszechna krotko zebrana przez Kajdanowa» (Wilna, 1845) и собственным двухтомным учебником «Historyja powszechna dla szkolnej młodzieży» (Wilna, 1861) [50].

Имеет ли учебник Александра Здановича отношение к теме «Белорусская медиевистика периода Российской империи»?

Александр Зданович родился и получил первоначальное образование на территории **белорусской** губернии (Минской), перевод учебника И. К. Кайданова «История средних веков» опубликовал в 1845 г., всеобщую историю в Виленском дворянском институте преподавал с

1849 г. Виленский дворянский институт в 1832–1850 гг. входил в состав **Белорусского** учебного округа. Таким образом основания для рассмотрения Александра Здановича как белорусского медиевиста есть.

Учебник Александра Здановича «Historyja powszechna dla szkolnej młodzieży», изданный за два года до закрытия Виленского дворянского института, в котором автор преподавал, интересен как сочинение практикующего учителя.

Подзаголовок книги устанавливает хронологические рамки (от рождения Христова до наших дней), включающие позднюю античность, средние века и Новое время.

Свои хронологические позиции автор обозначил в тексте учебника. История Римской империи завершается упадком, после чего начинаются истории современных государств. Эти истории прошли два этапа: 1) средние века (до конца XV в.), 2) Новая история (до наших дней) [50, t. 2, s. 186]. Материал излагается по странам: Франция – средние века и до 1858 г., Германия – средние века и до 1859 г. и т. д. Отдельные главы, завершающие книгу, посвящены крестовым походам, рыцарским орденам, географическим открытиям.

Феодальный строй рассматривается в отдельной небольшой главке, построенной в виде вопросов и ответов.

Что такое феодальное правление? – спрашивает автор. И тут же отвечает, что если в современных (имеется в виду XIX в.) государствах верховная власть имеет монархический характер, находится в руках одного человека (короля, князя, императора), то тогда верховной «властью обладали все магнаты королевства, высшее духовенство, свободные города и сам монарх; понятно, что каждый в пределах своего владения». Выражалась власть в праве чеканки монеты, вершить суд, казнить подданных, вести войны, заключать мир, не платить королю налоги [50, t. 2, s. 184].

Понимание Александром Здановичем вассально-ленных отношений существенно отличалось от современного: он не видел феодальной иерархии (т. е. процесса инфеодации).

Автор пишет: «Каждый такой более высокий хозяин называл себя вассалом, и король считал себя первым между этими вассалами (Primus inter pares)».

Придание вассально-ленным отношениям горизонтального характера привело к тому, что Александр Зданович значительно сузил число получателей вассальной присяги, рассматривая в этом качестве

только короля: «...после смерти вассала, сын его и наследник не имел права принять наследство от отца иначе, как после присяги королю, что во время войны он будет выступать лично... Такая клятва называется *holdem*, а на латыни *hommagium*. Король же, приняв присягу, вручал вассалу знамя или меч в знак того, что дает ему высшую власть над отцовской землей. Сия церемония называлась *инвеститура*. Епископам вместо знамени или меча он давал королю посох и епископское кольцо» [50, t. 2, s. 185].

Еще одним аспектом вассально-ленных отношений, заинтересовавшим Александра Здановича, был вопрос о вымороченных леннах. Он отмечает, что во Франции такие ленны возвращались к королю, в Германии же король мог держать вымороченный ленн и пользоваться его доходами только один год, после чего был обязан передать эту землю своему вассалу [50, t. 2, s. 185].

Крестовым походам автор дает положительную оценку в целом: «...эта долгая война христиан с неверными, длившаяся два века, ...сблизила европейские народы, которые, живя до сих пор изолированные, долго не знали друг друга. Она вывела из оцепенения и моральной лени христиан Западной Европы, возрождая их сердца за двести лет великим религиозным подъемом» [50, t. 2, s. 459].

Викентий Игнатович. Викентий Васильевич Игнатович (1803–1869) в 1822 году окончил курс права в Педагогическом институте при Виленском университете. В 1824 году получил степень магистра. Служил преподавателем латинского языка и польской литературы в Могилевской гимназии. В 1831 году, по поручению попечителя Белорусского учебного округа, составил польскую грамматику для русских. В 1834 году был назначен смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян. В 1839 г. стал инспектором Гродненской губернской гимназии.

В 1847 году Викентий Васильевич покинул белорусские земли и переехал на север, в Карелию, получив назначение директором училищ Олонецкой губернии. Служил он там недолго и уже через два года был переведен в столицу империи на должность директора Первой Петербургской гимназии (1849–1860) [51].

Вот как описывал Викентия Васильевича Игнатовича в бытность его директором гимназии известный русский писатель и литературный критик Василий Григорьевич Авсеенко (1842–1913) в своих воспоминаниях: «Директором гимназии при мне был Викентий

Васильевич Игнатович. Кажется, он был хорошо образованный человек, но мы видали его чрезвычайно редко, и навряд ли он принимал деятельное участие в делах заведения. Толстый, благодушный, с очень благообразным и умным лицом, он производил впечатление приятного барина, неохотника до черной работы. Он любил, впрочем, показать, что занимался специально историей, иногда заходил на уроки г. Лыткина и сам спрашивал учеников, именно тех, которые желали поправить перед субботой полученную на неделе единицу. Но всего превосходнее он был в смысле декоративном: такого директора можно было выставить куда угодно. Помню его как сейчас в двух торжественных случаях. В марте 1855 года гимназия праздновала свой 25-летний юбилей. Были министр народного просвещения А. С. Норов и попечитель округа. Воспитанникам дали завтрак, с бокалами какого-то похожего на шампанское напитка. В.В. Игнатович, в мундире и во всех регалиях, был представлен до помрачения; он решительно затмевал весь сановный персонал, посетивший нашу столовую, и когда он, обратясь с поднятым бокалом к министру, произнес несколько кратких слов, упомянув в них и о каком-то ордене, «незадолго перед сим украсившем вашу достойную грудь» – то все, даже самые маленькие между нами, почувствовали, как это хорошо было сказано... В другой раз припоминается мне почтенный В. В. Игнатович, как он, в разгаре восточной войны, вошел раз к нам в репетиционную залу, и поздоровавшись необычайно ласково с учениками, провозгласил: «Дети, любите ли вы Россию?» Мы отвечали, что любим. Тогда директор, указав на производящийся повсеместно сбор пожертвований на военные нужды, пригласил нас открыть между собою подписку. Мы отозвались с полной готовностью.

Я не могу судить, насколько вообще деятельность В. В. Игнатовича была плодотворна для гимназии, но должен сказать, что это был несомненно умный и добрый человек, и что, наверное, ни один из его воспитанников не имел с ним неприятного столкновения и не сохранил к нему враждебного чувства. Если нельзя утверждать, чтоб у нас выразилась серьезная любовь к нему, то только потому, что мы мало его видели» [52, с. 710–711].

С 1850 г. В. В. Игнатович состоял членом комитета для рассмотрения учебных руководств. В 1860 г. был назначен старшим чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры, а по упразднении его в 1862 году, – чиновником особых поручений по делам

книгопечатания. С 1867 года Викентий Васильевич читал педагогику в Императорском Историко-филологическом институте [51].

Медиевистом Викентия Васильевича Игнатовича делает серия из трех очерков, посвященных истории западноевропейских университетов. **Белорусским** медиевистом делает тот факт, что первый очерк был им опубликован в 1846 г., во время службы в **Белорусском** учебном округе: «Болонский университет в средние века» [53]. Еще два очерка были опубликованы В. В. Игнатовичем в бытность его служения в Петербурге: «История английских университетов» [54] и «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни» [55].

Начало изучения истории средневековых университетов в российской историографии как правило связывается с именем историка церковного права Николая Семеновича Суворова (1848–1909), автора книги «Средневековые университеты» (1898) [56].

В предисловии к ней автор отмечает следующее: «В русской литературе есть ценные статьи, посвященные средневековым университетам: таковы в особенности статьи, помещенные в Журнале министерства народного просвещения за 1862–1864 гг.» [56, с. III]. Автор статей не назван. В списке использованной литературы они отсутствуют [56, с. VI–VII]. Тем не менее, установить авторство статей труда не составляет. В указанные годы в Журнале министерства народного просвещения был опубликован цикл статей про университеты Германии, написанный В. В. Игнатовичем. Однако, Н. С. Суворов дал неполную и неточную информацию. Во-первых, сразу после публикации цикл был переработан в книжное издание, объемом 244 страницы. Во-вторых, ни слова не говорится про цикл статей, опубликованный в том же журнале, про английские университеты, книжное издание которого появилось годом ранее. В-третьих, не сказано про статьи в том же журнале про средневековый Болонский университет, вышедшие в 1846 г. Таким образом, проблема состоит в том, что приоритет В. В. Игнатовича в исследовании средневековых западноевропейских университетов не признавался его младшими современниками.

«Болонский университет в средние века» (1846). Данный очерк Викентия Васильевича Игнатовича является первым исследованием в рамках белорусской медиевистики и первым исследованием по истории университетов в российской медиевистике.

Очерк начинается с главы «Об университетах в средние века вообще». Автор изначально ставит зарождение, развитие, а в ряде

случаев и упадка, университета в прямую зависимость от субъективного фактора, личности преподавателя. Развитие средневекового общества, породившее запрос на квалифицированных специалистов (юристов, врачей, преподавателей), выносится В. В. Игнатовичем за горизонт своих исследовательских интересов.

«Тогда, если какой ученый муж, вдохновленный любовью к науке, собирал вокруг себя значительное число любознательных слушателей, подле него являлись другие учителя, ряды слушателей увеличивались и таким образом одна духовная потребность полагала основание постоянному училищу» [53, с. 32].

«Если одни гениальные учителя успевали подвинуть свое училище, то часто неловкая рука ближайших преемников низвергала его в ничтожество: ибо тогдашние училища стояли совершенно одиноко, опираясь на самих себя, без связи с развивающейся народной образованностью и не имея тех прочных оснований, без которых существование учебных заведений невозможно» [53, с. 33].

Далее автор выделяет три учебных заведения: парижское для богословия и философии, болонское для римского права, салернское для медицины. При этом два первых послужили образцом для формирования прочих учебных заведений. По парижскому образцу создавались университеты Англии и Германии, по болонскому – Италии, Испании, Франции [53, с. 35].

Вторая глава обращается непосредственно к истории Болонского университета.

Автор более строго определяет предмет своего исследования: «... во избежание сбивчивости в словах и понятиях мы решились рассматриваемое нами древнее Болонское учебное заведение называть не университетом, но просто училищем, оставив название университета общине схоляриев» [53, с. 39]; подчеркивает новизну темы: «Славное Болонское училище до сих пор не имеет достойного историка. Неудачная компиляция Формилиари, по совершенному в ней отсутствию здоровой критики, не заслуживает имени истории» [53, с. 39]; определяет круг источников: «История Болонии» Гирардачи, летописи Савиоли, биографии болонских профессоров Сартти (издание 1769 г.), «История итальянской литературы» Тирабоски (издание 1787–1794 гг.), статуты юридического университета (издание 1561 года) [53, с. 39].

Рассматривая вопрос об основании университета в Болонье, автор отвергает традиционные версии, возводящие начало к Амвросию

Медиоланскому и Феодосию Младшему, как отраженные в явно подложных документах. И тут же попадает в неловкую ситуацию. Исходя из сформулированной им парадигмы, для университета необходимы авторитетные учителя. А таковых в Болонье не было. В результате он принимает за точку отсчета грамоту императора Фридриха II, которая «была первым официальным актом, положившим основные начала, по которым развиваясь постепенно, образовался полный состав управления Болонского училища» [53, с. 42].

Далее следует изложение основных положений грамоты: 1) иностранные студенты брались под покровительство Фридриха II, как итальянского короля, 2) над студентами ограничивалось действие городской юрисдикции (суд должен был проводиться в присутствии профессора или епископа, по выбору ответчика) [53, с. 45].

В. В. Игнатович отдельно разбирает вопрос о ректорах, о которых в грамоте Фридриха II не упоминается, «потому ли, что еще тогда не было ни университета, ни ректора, или что, по крайней мере, ректоры тогда еще не пользовались столь важным преимуществом, как судебная власть» [53, с. 45].

Тем не менее, упоминание о неподчинении ректорам со стороны профессоров в булле папы римского Гонория III от 1224 г. указывает, что к этому времени ректора в Болонском университете были [53, с. 46].

Затем исследователь перевел вопрос в историко-юридическую плоскость. Он определил, что власть города была безусловной (*judex ordinarius*) в силу того, что проистекала из общих государственных законов. Власть ректора брала начало из особых отношений корпорации. Власть профессорам и епископам предоставил императорский привилегий. Следовательно, возникает вопрос о соотношении этих властей [53, с. 47–48].

Затем следует переход к рассмотрению состава университета. Проблему автор формулирует следующим образом: 1) университет как корпорация, «из каких членов состоял университет, кто управлял им и какие были его отношения к городу», 2) университет как учебное заведение, «обратить особенное внимание на его представителей, т. е. докторов или профессоров, равно как и на их учебную деятельность» [53, с. 50].

Первая часть проблемы рассматривается в главе 3, вторая часть проблемы – в главе 4. В целом проблема рассматривается очень детально с прочной опорой на первоисточники (статуты университета).

Автор приводит обширные цитаты на языке оригинала, что можно рассматривать, как введение источников в исторический оборот.

В четвертой главе В. В. Игнатович предлагает установить связь развития юридического образования, приведшего к созданию Болонского университета, с политической ситуацией в странах средневековой Европы: «... в половине XI столетия начали волновать религиозный и политический мир в Европе два великих вопроса: о первенстве власти духовной над светскою и о пределах власти императора над городами итальянскими. Для решения этих вопросов сила оружия оказалась недостаточною: нужно было прибегнуть к силе законов, и отыскивание таких законов, которые определяли бы границы той и другой власти, привело в движение умственную деятельность, дотоле косневшую в летаргическом усыплении» [53, с. 71]. Первым среди юристов автор называет Пепо, основавшим в Болонье кафедру римского права. Но отмечает при этом, что «у него не было ни профессорского, ни авторского таланта, а потому попытка его не удалась» [53, с. 73–74]. Однако, вскоре после него «явился в Болонье необыкновенный муж, неутомимый исследователь и достойный преподаватель римского права в лице знаменитого Ирнерия» [53, с. 74], прозванного учениками «светильником науки права» (*lucerna juris*) [53, с. 76]. Развитию же Болонского университета по мнению автора и в полном соответствии со сформулированной им концепцией об определяющей роли учителя для университета, содействовали четыре ученика Ирнерия, «прозванные современниками *columnae lilia legum*» [53, с. 77].

Заключительная, пятая, глава работы повествует «О состоянии книжного дела в средние века вообще и особенно в Болонье». Текст имеет характер совершенно самостоятельного и достаточно информативного исторического очерка, призванного осветить ряд поставленных автором проблем: 1. Что такое книгоделие и кто им занимался в средние века. 2. Писчий материал. 3. Торговля. 4. Цены. 5. Библиотеки [53, с. 116].

Пятую главу исследования открывают слова, подводящие итог первым четырем главам: «Сколько дозволили находившиеся под руками материалы, я старался изобразить в историческом очерке внутреннюю и внешнюю жизнь Болонского Университета в средние века, со всеми достоинствами и недостатками в составных его элементах, в

административных и хозяйственных учреждениях и преимущественно в учебной и ученой деятельности и ее направлении» [53, с. 116].

Выводы. В целом работа В. В. Игнатовича является обычным представителем историографии первой половины XIX в., мало обращавшей внимание на социально-экономические аспекты исторического процесса и делавшей акцент на политической истории и ярких личностей.

Вместе с тем, она имеет два несомненных достоинства:

1. Подробное, детальное, основанное на первоисточниках изложение структуры и деятельности университетов, вплоть до организации учебного процесса, а также денежного содержания профессоров.

2. Это первое обращение к проблеме средневекового университета в исторической науке Российской империи. Книга историка церковного права Н. С. Суворова «Средневековые университеты» и очерк В. Н. Ивановского «Народное образование и университеты в средние века» были опубликованы только в 1898 г.

Заключение

В XVI–XVIII вв. на территории Великого Княжества Литовского оформился и закрепился интерес к истории средневековой Западной Европы.

Формируется практика перевода наиболее интересных фрагментов из исторических сборников на старобелорусский язык («Видение Тнугдала» из «Зерцала» Винцента из Бове). Помимо традиционных хроник и летописей в XVI в. отмечены «примеры» и «рыцарские романы». При этом «примеры» следовали в русле, обозначенном польской исторической традицией. «Римские деяния» были переведены непосредственно с латинского языка. После этого последовал перевод с польского на старобелорусский язык. Аналогичный процесс проходил в российском нарративе, связанном со средневековой историей Западной Европы. Там также сделали перевод «Римских деяний» с польского издания. Хотя не исключается и обращение к старобелорусскому переводу. «Рыцарский роман», отмечен только на землях Великого Княжества Литовского: перевод на старобелорусский язык широко известного средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда». Вариант романа на старорусском языке неизвестен. Сохранение в исторических нарративах западноевропейских парадигм восприятия средневековья позволяет говорить о рецепции последних в интеллектуальный кругозор авторов и переводчиков Великого Княжества Литовского. В частности, через рыцарский роман «Тристан и Изольда» внедрялась широко распространенная в позднесредневековой Западной Европе полемика о соотношении (приоритете) личных интересов и феодального долга перед сеньором. Интерес к историческим событиям западноевропейского средневековья оформился в виде тематических выписок. Составление выписок, в свою очередь подразумевает определенную аналитическую работу с информацией: поиск, отбор, фиксация. Выписки могли содержать значительную часть исходного источника (перевод фрагмента из Хроники Мартина Бельского) или иметь фрагментарный характер (Летопись Панцырного и Аверки). В XVI в. фиксация производилась на западнорусском (старобелорусском) языке, в XVII–XVIII – на польском, что отражало языковую ситуацию на белорусских землях. Интерес к средневековой истории получает информационное наполнение: прочитаны сочинения основных историков XV–XVI вв.: Длугоша, Меховского, Кромера, Бельского), по-

прежнему интересуют занимательные (для того времени) факты: рождение тридцати шести сыновей, комета, шестидневный снежный покров перед праздником Троицы, мертвый младенец с ужом на спине.

Особенность белорусской медиевистики XIX в. состояла в отсутствии доступа к высшему образованию в рамках белорусских губерний Российской империи.

Вследствие этого происходило вымывание способной энергичной мотивированной научной молодежи. У них не было перспектив получения высшего образования) на белорусских землях. В результате они направлялись на учебу в Императорский университеты в близлежащие Санкт-Петербург, Юрьев, Варшаву, Киев. Отсутствовала возможность выстраивания научной карьеры в высшем учебном заведении на белорусских землях, и, соответственно, невозможности создания устойчивой научной школы или направления. В результате обращение к изучению истории средних веков происходило вне академических (университетских) рамок. Ближайшей возможностью реализации интереса к истории были преподавание в средних (гимназиях) или специальных (учительские семинарии и институты) учебных заведениях, а также издание учебных пособий (учебник по истории средних веков Александра Здановича). Недостаток данного варианта – слабая выраженность научной составляющей. Еще одной возможностью реализации интереса к истории академических (университетских) рамок была самостоятельная (индивидуальная) разработка исторической проблематики (исследование средневековых университетов Викентия Игнатовича). Недостаток данного варианта – слабая проработка собственно исторических методик анализа, преобладание историко-правового подхода.

В начале XX в. фактор отсутствия университета продолжал действовать. Повышение в 1912 г. статуса учительских институтов до уровня средних учебных заведений поднимало общий уровень образования на белорусских землях, но прямого воздействия на формирование научной медиевистической среды не оказывало.

Библиографические ссылки

1. Всемирная история в датах и событиях («Ларусс»). М.: Радуга, 2002. – 631 с.
2. Leclère, L. Les limites chronologiques du Moyen Âge / L. Leclère // *Revue belge de philologie et d'histoire*. Т. 1. Fasc. 1, 1922 – Р. 69–76.
3. Вайнштейн, О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней / О. Л. Вайнштейн. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. – 375 с.
4. Sergi, G. L'idea di Medioevo: fra storia e senso commune / G. Sergi. Donzelli Editore, 2005. – 111 p.
5. Карев, Д. Вл. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. Вл. Карев. Vil'niūš: ЕГУ, 2007. – 312 с.
6. Guizota Dzieje cywilizacyi europejskiej od upadku Cesarstwa Rzymskiego zachodniego do rewolucyi francuzkiej. Warszawa, 1842. – 424 s.
7. История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции. Соч. Гизо. Ред. перевода К. К. Арсеньева. СПб, 1860. – 379 с., [VI].
8. Visio Tnugdali lateinisch und altdeutsch. Erlangen: Andreas Deichert, 1882.
9. Helinandus Frigidi Montis Monachus Chronicon // PL. – Т. 212. – Col. 771–1082С.
10. Brückner, A. Die Visio Tundali in bömischer und russischer Übersetzung / A. Brückner // *Archiv für slavische Philologie*. 1891. № 13. – S. 199–212.
11. Карский, Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей / Е. Ф. Карский // Карский, Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: Изд. АН СССР, 1962. – С. 208 – 249.
12. Speculi maioris Vincentii Burgundi praesulis Belvacensis, ordinis Praedicatorum, theologi ac doctoris eximii. T. IV. Venetiis, 1591. – 424 p.
13. Verkholtantsev, J. Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland. Front Cover / Julia Verkholtantsev // *Slavische Sprachgeschichte*. Bd. 3. hrsg. v. Michael Moser, 2008. – 215 p.
14. Полякова, С. В. Из истории средневековой латинской новеллы XIII в. / С. В. Полякова // *Средневековые латинские новеллы XIII в.* Л.: Наука,

1980. – С. 341–369.

15. *Hystorye Rzymskie (Gesta Romanorum)* / Wydal Dr. G. Bystron. Krakow, 1894. – 222 s.

16. Надсан, А. Заходняя літаратура на Беларусі ў XV–XVI стст. // Божым Шляхам. Лёндан, 1968. № 1 (106). – С. 2–6; № 3 (108). – С. 3–7.

17. Кіпель, З. Беларуская перакладная літаратура XV–XVII стст. як мост паміж Усходам і Захадам // Беларусіка–Albaruthenica: матэрыялы 2-га Міжнар. кангр. беларусістаў, май 1995 г. / Аддзяленне культуралогіі і духоўных сувязей сусед. народаў; Міжнар. акад. навук Еўразіі; Міжнар. асац. беларусістаў; рэд. У. Конан [і інш.]. – Мінск, 1997. – Кн. 6, ч. 2: Беларусь паміж Усходам і Захадам / З. Кіпель. – С. 175–181.

18. Средневековые латинские новеллы XIII в. Л.: Наука, 1980. – 384 с.

19. *Gesta Romanorum*. Berlin, 1872. – 755 p.

20. Bruckner, A. Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Graflich-Raczynski'schen Bibliothek in Posen / A. Bruckner // *Archiv fur slavische Philologie*, 1886. Bd. IX. – S. 345–391.

21. Веселовский, А. Н. Белорусские повести о Тристане, Бове и Аттиле в Познанской рукописи конца XVI века / А. Н. Веселовский // Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Выпуск второй. Славяно-романский отдел. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской АН. Т. 44. СПб., 1888. – С. 125–350.

22. Повесть о витезях с книг сэрбьских, а звлаща о славном рыцэры Трысчан[е], о Анцалоте и о Бове и о иных многих витезех добры[х] // Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Выпуск второй. Славяно-романский отдел. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской АН. Т. 44. СПб., 1888. Приложения. – С. 1–127.

23. Повесть о Трыщане // Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976. – С. 384–474.

24. Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан... перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст. Мінск: Беларуская навука, 2009. – 736 с.

25. Bielski, M. *Kronika wszytkiego świata* / M. Bielski. Kraków, 1551. – 591 s.

26. Древнерусские летописи и хроники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 39. Л.: Наука, 1985. – С. 100–184.

27. Казакова, Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков (Из истории международных культурных связей России) / Н. А.

Казакова. Л.: Наука, 1980. – 278 с.

28. Пташицкий, С. Западнорусские переводы Хроник Бельского и Стрыйковского / С. Пташицкий // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905. – С. 372–377.

29. Улащик, Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей / Н. Улащик. М.: Наука, 1975. Т. 32. – С. 3–14.

30. Хроника литовская и жмойтская // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1975. Т. 32. – С. 16–127.

31. Фядосік, В. А. Антычнасць вачыма сярэднявечча / В. А. Фядосік. Мінск: БДУ, 2016. – 187 с.

32. Старавойтава, Н. П. Імя Мікалая Улашчыка ў беларускай медыявістыцы // Н. П. Старавойтава // Крыніцызнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі. Мінск: БДУ, 2007. – С. 52–55.

33. Летопись Панцырного и Аверки // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1975. Т. 32. – С. 193–205.

34. Витебская старина. Т. 1. Витебск, 1883. – 667 с.

35. Kwiatkiewicz, J. Roczne dzieje kościelne od roku Pańskiego 1198 aż do lat naszych / Jan Kwiatkiewicz. Kalisz: drukarnia Kolegium, 1695. – 900 s.

36. Torsellinus, H. Epitome historiarum a mundo condito ad ann. 1598 / H. Torsellinus. L., 1598. – 640 p.

37. Ustawy Komisji Edukacji Narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane w Warszawie roku 1783. Lwów; Warszawa, 1923. – 181 s.

38. Устав или общие постановления Императорского Виленского Университета и училищ его округа от 18 мая 1803 г. № 20.765 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб., 1830. – С. 610–620.

39. Кайданов, И. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Часть 2: История средних веков / И. Кайданов. Изд. 6-е. СПб., 1837. – 176 с.

40. Historyja powszechna krótko zebrana przez Kajdanowa. T. 2. Historya średnich wieków. Oprac Aleksander Zdanowicz. Wilno: J. Zawadzki, 1845. – [4], 160 s.

41. Острога, В. М. Преподаватели учительских семинарий Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / В. М. Острога // Труды БГТУ. 2019. Сер. 6. № 2. – С. 16–21.

42. Чистович, И. А. С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.) / И. А. Чистович. СПб., 1889. – 402 с.

43. Смирнов, Е. И. Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее

- существования (1872–1902 годы): историческая записка / Е. И. Смирнов. Витебск, 1902. – [2], II, 67, 5, [1] с.
44. Острога, В. М. Преподаватели учительских институтов Виленского учебного округа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. 2020. Сер. 6. № 1. – С. 20–26.
45. Гулюк, М.А. Педагогическое образование в белорусских губерниях в начале XX в.: Витебский и Могилевский учительские институты / М.А. Гулюк // Працы гістарычнага факультэта. Вып. 1. – Мінск: БДУ, 2006. – С. 222–226.
46. Двадцатипятилетие Виленского учительского института. 1875–1900. Краткая историческая записка. Вильна, 1900. – 85 с.
47. Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях министерства народного просвещения. СПб, 1877. – 150 с.
48. Острогорский, М. Хронология всеобщей и русской истории. Эпизодический курс (III и IV классов гимназий и прогимназий) / М. Острогорский. – СПб., 1873. – 14 с.
49. Encyklopedyja Powszechna. T. 28. Warszawa, 1868. – 1198 s.
50. Zdanowicz A. Historyja powszechna dla szkolnej młodzieży / Zdanowicz. T. 1–2. Wilno, 1860.
51. Игнатович Викентий Васильевич // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 8. СПб., М., 1897. – С. 54–55.
52. Авсеенко, В. Г. Школьные годы. Отрывки из воспоминаний / В. Г. Авсеенко // Исторический вестник. Т. IV. – 1881. – С. 707–734.
53. Игнатович, В. В. Болонский университет в средние века / В. В. Игнатович // ЖМНП. Т. 51 (№ 8). Отдел IV. 1846. – С. 31–132.
54. Игнатович, В. В. История английских университетов / В. В. Игнатович. СПб.: тип. И. Огризко, 1861. – 150 с.
55. Игнатович, В. В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни / В. В. Игнатович. Ч. 1. СПб.: тип. Рогальского и К°, 1864. – 244 с.
56. Суворов, Н. С. Средневековые университеты / Н. С. Суворов. М., 1898. – 254 с.